

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

V



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

А. К. БОРОВКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА.

(Определение языка хикматов Ахмада Ясеви)

I

Творчество знаменитого дервишского поэта XII в. Ходжа Ахмада Ясеви составляет одну из любопытнейших страниц истории узбекской литературы и языка раннего периода. Стихи Ясеви на протяжении ряда столетий пользовались широкой популярностью. Это вызывало удивление и порождало догадки.

Исследований, касающихся литературной деятельности Ахмада Ясеви и его преемников, явно недостаточно, чтобы подойти к определению языка его произведений без некоторых предварительных разысканий. Акад. К. Г. Залеман сопровождал опубликованный им текст легенды XIV—XV в. о Хаким-ата филологическими примечаниями и некоторыми биографического порядка сведениями о Ясеви из жизнеописаний среднеазиатских суфиев.¹

Любопытные данные о литературной деятельности Ахмада Ясеви и его последователей привлечены были в обширном исследовании о первых мистиках в турецкой литературе,² однако исследование это далеко не критическое и значительно устарело. Все же большой ряд вопросов, интересующих филолога и лингвиста, остается неясным и требует массу, подчас очень кропотливых, поисков в самых различных направлениях.

Имя Ахмада Ясеви, окруженное легендами, пережило множество других имен, его стихотворения — хикматы — расходились во множестве списков, а во второй половине XIX в. стали появляться в литографиях и печатных изданиях. Хикматы Ясеви находили постоянных комментаторов, чтецов и слушателей.³

Источники согласно называют дату смерти Ахмада Ясеви — 562 г. х. (1166); перечисляются имена его наставников — Юсуфа Хамаданского, тюркского шейха Баба Арслана — и многочисленных преемников. Существует ряд упоминаний о том, что он прожил 130 лет.⁴

¹ К. Г. Залеман. Легенда про Хаким-ата. Изв. имп. Академии Наук, 1898, т. IX, № 2, стр. 105, сл.

² Кюпрү йили زاده' تورک ادیبیا تند ه ا یکله متصوفلر, Стамбул, 1918.

³ Хикматы Ясеви комментировались в мистическом духе. Такого комментатора „внутреннего смысла“ стихов Ясеви мы встречали в с. Бурама-тут Тюркюрганского района Наманганской обл. — это старая „атин-ойи“ Курбанова. В Ташкенте женщины старого склада собирались для чтения хикматов Ясеви.

⁴ О том, что Ясеви прожил 130 лет, утверждается и в „рисале“ Мавлана Хусамедина Сыгнаки: عمر اشان صد سئ سال بوده ست РКП Инст. вост. рукоп. АН УзССР, № 3386, л. 16. (на полях). Ссылка на текст хикматов, где гово-

Убедительных свидетельств о поэтическом творчестве Ахмада Ясеви мы нигде не находим. Нет и ранних списков стихов его; сохранилось лишь четыре стиха, датированных XV в., — это пока самое раннее упоминание о хикматах Ясеви. Осведомленный писатель XV в. Алишер Навои говорит о знаменитом мистике в самых общих выражениях; умалчивается о поэтической деятельности Ахмада Ясеви и в довольно обширной ранней житийной литературе.¹ Правда, в более поздних источниках, в единичных случаях цитируются сентенции, приписываемые Ясеви, но проследить их литературную историю довольно трудно. В частности, в „Ламахат“ Мухаммед алима ходжи цитируется два стиха, известных из имеющихся сборников,² и поясняется смысл их. Там же, в другом месте, приводится афоризм Ахмада Ясеви: „Оставь слова его, обрети его самого“ (سو ز نى قو ى اوز نى تاب).³ В другом известном сочинении „Самарат-ал-машаих“ упомянуто еще одно изречение Ясеви с переводом на персидский: „сытно ешь и правильно следуй (путем)“ (توق بى توغرى يورۇ).⁴

Отсутствие убедительных данных о творчестве Ахмада Ясеви тем более удивительно, что слава шейха и влияние его мистического толка не подлежат никакому сомнению, — совершенно не случайно дальновидный Тимур воздвиг роскошный мавзолей над могилой популярного мистика в г. Ясы (Туркестане)...⁵ Судя по всем данным, стихи Ясеви должны были играть большую роль в пропаганде его мистического учения и могли иметь своим прототипом шаманские песни тюркских кочевников в низовьях Сыр-дарьи. Так или иначе, преемники Ахмада Ясеви, во всяком случае, всячески старались внушить слушателям мысль о божественности хикматов, о полном согласии их со словом божим.

Отсутствие положительных свидетельств о поэтическом творчестве Ахмада Ясеви и сколько-нибудь достоверных текстов не обещают многого в анализе наличного материала, но это отнюдь не значит, что мы должны во всех случаях ограничиваться только догадками.

Обращает на себя внимание состав рукописных сборников и известных печатных изданий стихотворений-хикматов Ахмада Ясеви.

Известно довольно большое число рукописных списков дивана, все они довольно позднего происхождения. Упоминается, как наиболее старая

рится о смерти Ясеви на 62—63 г. (каз. изд., стр. 31; РКП ИВ. В 286, л. 246); не имеют значения, ибо речь в них идет об уединении Ясеви „под землей“ в „чиллахона“, а не о смерти. Ср.: Enzykl. des Islam, I, стр. 217.

¹ В поздних жизнеописаниях встречаются упоминания о принадлежности хикматов самому Ясеви, как об этом говорится, например, в „Мурат-ас-саликии“; см. текст у К. Г. Залемана, стр. 147; то же утверждает в „Сафинат-ал-авлия“ Шах Нивамеддин-ибн-Карн-кази, РКП Инст. вост. рукоп. АН УзССР, № 3336, л. 233а.

² Цитируются стихи: 'ārif 'işki dжан мулкнда 'ālam tārtsā on sākķiv mīç qamūq 'alam bulbul болур.

По пятому казанскому изданию стихи эти (с большими разночтениями) в хикмате № 62, стр. 108; см. сочинение Мухаммад Алим-ал-Сиддик-ал-Алави لمحت من نفحات القدسي РКП. Инст. вост. рукоп. УзАН, № 638, лл. 79а — 79б. Тут же в одном месте приводится арабское изречение Ясеви (л. 115а).

³ Там же, л. 126б.

⁴ Перевод гласит: ай درويش سیری طعام خرور و راست زور. РКП Инст. вост. рукоп. УзАН, № 1336, л. 177б.

⁵ См.: А. Семенов. Мечеть Ахмада Есевичского в Туркестане. Изв. Сред.-авкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 62 сл.

из наличных в стамбульских книгохранилищах, рукопись из библиотеки Вафик-паши 1105 г. х. Близок к этому времени и список акад. К. Г. Залемана.¹ В Институте восточных рукописей Узбекской Академии Наук находится восемь рукописей дивана Ясеви² и в Фундаментальной библиотеке Среднеазиатского Государственного университета — один список,³ все позднейшего происхождения. В массе своей рукописные сборники плохо оформлены и писаны рукой переписчиков-любителей разной степени грамотности.

Количество хикматов и порядок их следования меняются от списка к списку и от издания к изданию. Впервые, видимо только в позднейших списках, литографиях и в печатных казанских изданиях, в расположении стихотворений был принят принцип, обычный при составлении стихотворных диванов, где стихи следуют в порядке алфавитного применительно к конечным буквам рифмующих строк. Кстати сказать, в этих сборниках появляется и предисловие к „дивану“ Ясеви, явно позднейшего происхождения, как это и было уже отмечено.⁴

О казанских изданиях сборника хикматов Ахмада Ясеви следует сказать особо.

Проф. П. М. Мелиоранский совершенно справедливо предупредил в своей заметке об Ахмаде Ясеви в „Энциклопедии ислама“, что в подробностях казанский „Диван“ не изучен; судя по содержанию, не все стихотворения в нем принадлежат самому Ясеви.⁵ Даже беглый обзор подтверждает правильность этого. В казанском пятом издании помещено 149 хикматов — по количеству это наиболее полное собрание стихотворений Ахмада Ясеви. Большая часть хикматов, именно 109 из 149, включает в себе упоминание имени автора, в различной форме: Кул Хаджа Ахмад, Хаджа Ахмад Ясеви, Ясеви мискин Ахмад, Султан Ходжа Ахмад Ясеви, Ахмад-ибн-Ибрагим, Мискин Ясеви, Ходжа Ахмад. Наряду с этим сплошь и рядом следует лаконическое Ахмад или Ахмади, часто с обычными эпитетами Кул Ахмад, Мискин Ахмад.⁶ Ссылка на имя является, в известной мере, гарантией подлинности стихотворений, и с этим приходится считаться.

Однако при несколько внимательном чтении текста нетрудно заметить, что некоторое число хикматов в казанском сборнике следует без всякого упоминания имени и подчас включает другие имена. Так, наряду с именем известного преемника Ясеви Хаким-ата, мы находим в хикматах упоминание имени Кул-Шариф и Кул Гариб.⁷ Как мы увидим далее, появление хикматов с этими именами в казанском сборнике имеет свои причины.

Как бы то ни было, это обстоятельство обязывает насторожиться, и естественно предположить что в сборнике могут быть и другие стихотворения хикматы, заведомо не принадлежащие Ахмаду Ясеви. Такого

¹ Вывезен им из Самарканда; см.: К. Г. Залеман. Легенда про Хаким-ата, стр. 126, прим. 29.

² №№ 377, 378, 361, 1564, 1910, 3966, 3764, 5661, — все нового происхождения.

³ Рукопись № 210, без даты, нового происхождения, переписана малограмотным переписчиком. В сборнике за № 287 Фундаментальной библиотеки на лл. 103а — 109б выписаны 2 хикмата Ясеви.

⁴ А. А. Гаррицкий, из предисловия к „премудрости шейха Ходжа Ахмада Ясевийского“. Сб. Туркест. вост. инст. в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 35, сл.

⁵ P. Melioranskij. Ahmed Jesewi, Enzykl. des Islam, I, стр. 217.

⁶ По пятому казанскому изданию „Дивана“ Ясеви хикматы №№ 21, 23, 24, 25, 26, 33, 35, 52, 53, 54, 56, 63, 66, 68, 93, 102, 105, 128, 137, 143.

⁷ Хикматы с именем Кул Шариф по пятому казанскому изданию №№ 59, 60 и, вероятно, 56, 57, 58, 61, с именем Кул Гариб — №№ 101, 127.

рода случаи не исключены. Об этом свидетельствует хикмат № 47 на стр. 92 пятого казанского издания. Речь здесь идет о том, что будто бы будущий мюрид Ясеви Баба-Мачин услышал о недопустимых поступках Ахмада Ясеви и решил наказать его.

Услышал тогда Баба-Мачин [что],
Появился в Туркестане некий шейх Ахмад,
Беседовали там юноши и девушки между собой,
И приехал он, чтобы это запретить, друзья.

Далее повествуется о том, что Баба-Мачин приказал мюридам Ахмада Ясеви Хаким-ходжа Сулейману и Суфи Мухаммед Данишманду наказать шейха плетью. Ахмад Ясеви при этом будто бы выдержал 500 ударов и вскрикнул, когда ему нанесли следующий, лишний удар. После экзекуции Ясеви объяснил удивленным ученикам, что 500 ударов приняла стоявшие за его спиной дивы и пери, а последний удар пришелся ему самому.

Предание это существует в нескольких версиях. Со слов Мавлана Хисамеддина Сыгнаки рассказывается, что в ханаке Ахмада Ясеви мужчины и женщины вместе участвовали в зикрах. Появилась группа арабских дервишей во главе с шейхом, и этот-то шейх запросил о законности общего зикра мужчин и женщин у Ахмада Ясеви.¹ Ответ последнего убедил арабского шейха, и он стал мюридом Ясеви и двенадцать лет служил ему.

Согласно другому преданию, передается со ссылкой на сочинение Суфи Данишманда „Мунакиб-и-хызрат-ат-тарика“, что зикрами Ахмада Ясеви, в которых участвовали женщины, заинтересовался ургенчский Имам Маргази.²

На почве этого последнего сказания имеется хикмат с именем уже упоминавшегося выше Гариба. Гариб явно при этом имеет в виду прозаический рассказ:

* رساله او قودوم نشرنی نظم غه او کوردوم *
* نشرنی سوزنی نظم ای تییب مسکین غریب ایدیا *

Читал рассказ я и прозу в стих переложил,
Прозу в стих переложив, рассказал бедняк Гариб.³

В казанском издании интересующий нас хикмат также заканчивается четверостишием со ссылкой на прозаическое предание.⁴ Совершенно очевидно, что такого рода стихи не могут принадлежать самому Ясеви.

Разительными примерами такого рода могут быть еще и следующие случаи. Последний хикмат казанского сборника № 179 построен на обращении к Ахмату Ясеви и включает имена его мюридов Хаким-ата и Баба Мачина:

¹ از خلیفه احمد سوال کرده اند که مرد زن زکر و سماع میکنند چه میکنید

См.: „Рисале“ Мавлана Хусамеддина Сыгнаки на полях рукописи. Инст. вост. рукоп. УзАН, № 3386, л. 16, 26.

² РКП Инст. вост. рукоп. УзАН, № 3388, л. 66 (на полях).

³ РКП Инст. вост. рукоп. УзАН, № 1569, л. 1746; на л. 1716 об этом упомянуто в заглавии: Kissa-i-Imam Margazi.

⁴ В заключительном стихе говорится: нәзм әлладим бу һикәјәт билән, достләр. (Изложил стихами я этот рассказ, знайте, друзья). Каз. 5-е изд., стр. 91.

- * ترکستا نغہ بارانوک خدمتیدہ تورالوک *
 * اولوش بیرسه الایک شیخیم احمد یسوی *
 * بابا ماچین اول سلطان مۆیدبولدی سلیمان *
 * حکیم خواجہ سلیمان شیخیم احمد یسوی *

Отправимся в Туркестан, будем на службе его,
 Даст нам долю, мы возьмем, шейх мой Ахмад Ясеви,
 Баба Мачин стал мюридом того шейха и Сулейман,
 Хаким-ходжа Сулейман, шейх мой Ахмад Ясеви.

Можно предположить, что это стихи одного из последователей Ясеви в честь их шейха, я в самом деле, в рукописном сборнике Института восточных рукописей Академии Наук УзССР, № 1564, этот хикмат (лл. 86б, 87б) назван безоговорочно „хикматом Молла Шамсэддина“, о котором речь будет итти ниже.

Примеры эти не единичны. В отдельных случаях налицо совершенно неожиданные замены в хикматах одного имени другим. Так, в казанском сборнике в хикмате № 148 в заключительном четверостишии упоминается имя „Кул Ходжа Ахмад“ (Кул Ходжа Ахмад гуноҳига қоилад эрур); вместе с тем в рукописном сборнике Института восточных рукописей, № 378, этот стих читается (л. 48б) с именем Надири (Кул Надири гуноҳиғиға қоилад эрур). Следовательно, в данном случае стихотворение-хикмат некоего Надири, при известных обстоятельствах, было отнесено к хикматам Ахмада Ясеви.

Аналогичный факт имеет место и с хикматом № 64 по пятому казанскому изданию (стр. 110—111), где этот хикмат заключает имя Кул-Ходжа Ахмад (Қаттығланиб Кул Ходжа Ахмад йолга киргил). По рукописи К. Г. Залемана (л. 34а) этот хикмат читается с именем Кул Ахмад (Қан Йығлагыл, эй, Кул Ахмад йолга киргил), то же имя следует в Бакирган-китаби (стр. 16). Однако в рукописи Фундаментальной библиотеки САГУ № 210 этот же хикмат заключает в последних строках новое имя Кул Темури (л. 79б), имя, которое встречается здесь впервые:

قل تیموری اوزاق یولدا یا تار بولدونک * غملیک یرق کوندین کو نکا بتر بولدونک

Наиболее часты замены имени Ходжа Ахмада Ясеви именем его третьего преемника Хаким-ата Сулеймана, что обнаруживается в казанских изданиях хикматов Ясеви и в „Бакирган-китаби“, где мы ожидали бы видеть собрание стихотворений Хаким-ата. Последнее двестишье хикмата № 29 по пятому казанскому изданию (стр. 65) читается с именем Кул-Ходжа Ахмад:

- * قل خواجہ احمد نچوک موندہ اورون تا پسون *
 * کیچہ کوندوز قور قہ تورور ہیبتی بار *

Зачем будет находить здесь место Кул-Ходжа Ахмад,
 День и ночь он находится в страхе, в ужасе он.

По „Бакирган-китаби“ это же самое двестишье читается с именем Кул-Сулеймана (стр. 9).

- * قل سلیمان نٹاک موندہ اورون قیلسون *
 * کیچہ کو ندوز قور قہ دورور ہیبتی بار *

Зачем здесь будет делать пристанище Кул-Сулейман,
 День и ночь он находится в страхе, в ужасе он.

Приведем еще ряд такого рода подмен по указанным сборникам.

„Диван-и-хикмат“

- (стр. 37) خواجه احمد قل بو تورور سا تيب يسون درو یشلار
 (стр. 114) ای قل احمد سین بوکون قیلغیل عبارت تون کون
 (стр. 125) قول خواجه احمد کوهر ینکلغ حکمت ایدی
 (стр. 213) قول خواجه احمد کوهر ینکلغ حکمت ایدی
 (стр. 226) قول خواجه احمد سا عتی بیر دده یوق طا عتی
 (стр. 227) قول خواجه احمد صحبتده دم اورار منا جا تده

„Бакирган-хитаби“

- (стр. 24) حکیم سلیمان قلدر ساتیب یسسон درو یشلار
 (стр. 10) قل سلیمان بلدندک بوکون قیل عبارت تون کون
 (стр. 28) قل سلیمان کوهر ینکلغ حکمت تورд ی
 (стр. 8) قل سلیمان دعا او چون ایدی مونسی
 (стр. 11) قل سلیمان ساعتی ذرهچه یوق طا عتی
 (стр. 19) قل سلیمان صحبتده دمبدم منا جا تده

Сомнения наши увеличиваются. Трудно подчас проследить количество стихотворений-хикматов по различным сборникам и их принадлежность. Так, например, упоминавшаяся уже выше рукопись К. Г. Залемана заключает в себе, в общей сложности, 73 стихотворения-хикмата Ахмада Ясеви. На проверку оказывается, что очень большое число хикматов казанского сборника, именно 103 из 149, отсутствует в рукописи К. Г. Залемана, хотя и повторяется частью в других рукописных списках. Таким образом, критической работы над доступными текстами хикматов Ясеви — непочатый край.

Становится совершенно очевидным, что, в первую очередь, текст казанских изданий хикматов Ясеви не заслуживает никакого доверия. Ограничимся пока еще двумя примерами. Стихотворение-хикмат за № 123 по пятому казанскому изданию (стр. 212—213) заключает 7 четверостиший; в рукописи же Залемана 15 четверостиший, причем почти каждая строка заключает существеннейшие разночтения.¹ О принципиальном характере разночтений свидетельствует другой пример. В одном из хикматов утверждается, что Ахмад Ясеви предпочитал свой родной язык (тюрки) языку персидскому. В заключительных строках по казанскому изданию (стр. 254) следует, что Ясеви знал персидский язык, но предпочитал писать на родном языке (тюрки):

- * مسکین ضعیف خواجه احمد یتی پتشینکا رحمت *
 * فارسی تیلی نی بیلیمان خوب ایتادور تورکی نی *

Бедняк немощный Ходжа Ахмад, спасибо за твои семь писаний.
 Зная персидский язык, он хорошо говорит [сочиняет] по-тюрки.

По тексту рукописи К. Г. Залемана (РКП ИВ, № В 286, л. 32а) явствует, что Ясеви не знал персидского языка:

¹ РКП Института востоковедения АН СССР, № В 286, л. 696, сл.

* مُسَكِينُ أَحْمَدُ يَسُوى عِلْمَلَارْغَةِ مُوَافِقُ *
 * فَارْسِي بَيْلْمَايْدُورُ خُوبُ اَيَنْدُورُ تُوْرِيْنِي *

Бедняк Ахмад Ясеви, подобно ученым,
 Не знает по-персидски, [но] хорошо говорит
 [сочиняет] по-тюркски.

Первостепенное значение с точки зрения критики текста представляет для нас выделение стихотворений-хикматов, не принадлежащих Ясеви. Мы уже имели возможность видеть, что наряду с хикматами, заключающими имя Ахмада Ясеви, встречаются хикматы с другими именами, среди которых отмечены были Хаким-ата, Шамсэддин, Шариф, Гариб. Забегая несколько вперед, заметим, что это все имена лиц, тесно связанных с мистическим учением Ахмада Ясеви и, в частности, с сочинительством духовных стихов и хикматов.

Можно предположить, что составители казанского дивана включили в состав его все стихотворения-хикматы, в которых так или иначе упоминалось имя Ахмада Ясеви, и не обращали внимания на упоминание других имен. Однако в существующих рукописных сборниках, наряду с хикматами Ясеви, сплошь и рядом встречаются также хикматы его многочисленных преемников. В рукописном сборнике Института восточных рукописей Академии Наук УзССР за № 1564 свыше 100 стихотворений-хикматов с упоминанием имени Ахмада Ясеви; однако и здесь имеют место хикматы, не принадлежащие ему. Так, на листе 476 следует стихотворение-хикмат, отнесенный, судя по заголовку, к стихам Ясеви, а в заключении содержащий имя Сулейман-ата:

* قُلْ سَلِيْمَانْ اَوْزِيْنْ تُوْرلُوْ كُوْ هِرْ سُوْزْ يَدِيْنْ *
 * اَبْ حَيَاتْ سُوْ يَدِيْنْ اِيْچْتُوْقْ اِلْهَمْدُ اِلْله *
 *

Раб [божий] Сулейман из своих различных перлов-слов,
 Из вод источника жизни испили мы, слава аллаху.

Такой же случай отнесения стихов Сулеймана-ата Ахмаду Ясеви мы находим и в другом месте (лл. 1176 — 118а). Однако в массе случаев переписчик включил в сборник стихи, не принадлежащие Ахмаду Ясеви, совершенно сознательно. Таковы хикматы Хаким-ата Сулеймана,¹ Молла Шамсэddина, названного в другом месте Шамсэddином Узганди. В хикматах этот последний именует себя то Шамсэddин, то Шамс.² Наряду с этими именами в сборнике встречаются хикматы, заключающие ряд других имен: Кул Шариф, Мискин Гариб, Кул Асад, Худайдад, Кул Надири, Кул Сайфаddин.³ Следует напомнить, что в стамбульском издании хикматов Ясеви особым приложением выделены хикматы Азима.⁴

Эти факты, характеризующие состав интересующих нас сборников, отнюдь не единичны. В рукописном сборнике № 378 того же Института восточных рукописей заключено 56 стихотворений с упоминанием имени Ахмада Ясеви, в различных видах, 6 хикматов без упоминания какого бы то ни было имени, а все остальные содержат ряд других имен: Кул

¹ РКП № 1564, лл. 95а, 121б, 123а, 124а, 125а, 129а, 130а, 131а, 133а, 134б, 136а, 137б, 138а, 171а, 185б, 189а, 205б.

² Там же, лл. 47б, 86б, 119б, 186б, 187а, 192а, 194а.

³ Там же стихи Шарифа, л. 88б, л. 111б, Гариба л. 174б, Асада л. 184б, Худайдада л. 185а, Надири л. 188а, Сайфаddина 208а.

⁴ Стамбульское издание „Китабхане“ — „Султан-Баязид“, 1318 г. х., стр. 160, сл.

Сулейман, Шамс Узганди, Кул Надири, Сабри.¹ В рукописи № 3966 имеются 89 хикматов с упоминанием имени Ахмада Ясеви, 10 с именем Шамса, 1 с именем Гариба, 22 с именем Хаким-ата Сулеймана и 1 с именем Мискин-Касыма.² В другом рукописном сборнике Института восточных рукописей, № 3764, из 140 хикматов 7 с именем Сулейман-ата.³ Большой интерес представляет и еще один список Института восточных рукописей, № 5661, где собраны духовные стихи (кысса) на различные темы и хикматы, в которых мы снова встречаем имена Ахмада Ясеви, Сулейман-ата, Шамса, Насими и Молла Базара. Становится очевидным, что в состав диванов и сборников стихотворений Ходжа Ахмада Ясеви включались вещи, близкие по содержанию и форме, причем выяснение подлинной принадлежности их самому Ясеви или его многочисленным подражателям представляло всякий раз определенно трудную задачу. По этой самой причине мы не находим сейчас сборников, однородных по составу.

Наибольшей популярностью наряду с хикматами Ахмада Ясеви пользовались духовные стихи и стихотворения-хикматы третьего преемника его Хаким-ата Сулеймана, умершего через двадцать лет после смерти шейха, в 1186 г. Деятельность Хаким-ата протекала в Хорезме в местности Бакырган, откуда его прозвище Бакырган-ата. В жизнеописаниях среднеазиатских мистиков подчеркивается всякий раз, что Хаким-ата был сочинителем хикматов, хикматы его встречаются часто вместе с хикматами Ясеви, в чем мы уже могли убедиться.

В Казани был опубликован и выдержал ряд изданий упоминавшийся уже сборник хикматов Хаким-ата под названием „Бакырган-китаби“. Однако в свое время было обнаружено, что и здесь хикматов, принадлежащих Хаким-ата, не так уж много; в этом сборнике больше стихотворений других сочинителей, писавших в том же духе, следуя одним и тем же образцам. Среди имен этих сочинителей встречаются и уже известные нам имена, и сверх того ряд новых имен: Убайди, Икани, Хубби, Машраб, Тафи, Факири, Гызали, Шарафи, Шухуди, Мачин, Таж, Байза, Бехбуди.

Таким образом, число сочинителей хикматов, писавших в стиле Ахмада Ясеви или, по крайней мере, в том стиле, который мы привыкли связывать с его именем, оказывается довольно значительным. Это обстоятельство, в свою очередь, усложняет работу над текстами хикматов Ахмада Ясеви, ибо мы имеем дело с определенным поэтическим жанром, с выработанными традициями, действовавшими на протяжении ряда столетий.

Теперь мы можем подвести некоторый итог и свести воедино список сочинителей хикматов, произведения которых разбросаны в различных сборниках и группируются вокруг имени Ахмада Ясеви и его преемника Хаким-ата. Список объединяет около тридцати имен: 1. Азим. 2. Асад. 3. Байза. 4. Бехбуди. 5. Гадаи. 6. Гариб. 7. Гызали. 8. Икани. 9. Касым. 10. Джани. 11. Мачин. 12. Машраб. 13. Молла Базар. 14. Надири. 15. Насими. 16. Сабри. 17. Сайфаддин. 18. Таж. 19. Тафи. 20. Темури. 21. Убайди. 22. Факири. 23. Хаким-ата. 24. Хубби. 25. Худайдад. 26. Шамсэддин. 27. Шарафи. 28. Шариф. 29. Шухуди.

Галерею сочинителей хикматов, продолжателей Ахмада Ясеви, начинается третий преемник последнего — Хаким-ата Сулейман. О нем

¹ РКП № 378, с именем Сулеймана лл. 136, 156, 166, 19а, 31а, 396, 47а, с именем Надири л. 486, с именем Шамса лл. 536, 58а, 62а, 666, с именем Сабри лл. 666, 726.

² Стихи Шамса лл. 138а, 208а, 2126, 2226, 2246, 2256, 2356, 238а, 2396, 247а, Гариба л. 1566, Сулеймана лл. 202а, 2046, 2056, 214а, 216а, 2176 и др. Касыма л. 2206.

³ На лл. 316, 33а, 34а, 58а, 726, 83а, 846.

в одних и тех же выражениях говорится в „Рашахат“, в „Самарат-ал-машаих“ Муфти Зиндэ Али и „Ламахат“ Мухаммед Алим-хаджи. В „Рашахат“ о Хаким-ата Сулеймане мы читаем следующие строки: „Он был из почтеннейших тюркских шейхов (از كبار مشايخ ترك) и его хикматы на тюркском языке произносились в среде дервишей. В Туркестане [хикматы его] известны и популярны и, в том числе, наиболее впечатляющи, например, посвященные уважению народа и цене времени: هر كيم كورسانك حصنر بيل هر تون كورسانك قدر بيل — „всякого, кого ты увидишь, чти за Хызра, всякой ночи, которую ты видишь [переживаешь], знай цену“. Другой пример, принадлежащий ему, сказан им по поводу гордости и себялюбия: بارجه بغدادى بيزر يمان — „все хороши — мы плохи, все пшеница — мы мякина“.¹

Следует заметить, что последние стихи автор „Ламахат“ комментирует подробнее. Здесь по поводу приведенных стихов говорится, что шейхи Ирака обращались к хорасанским шейхам с некоторыми трудными вопросами, а эти адресовали эти вопросы последователям Ясеви. В этой связи Хаким-ата и написал в ответ стихи, о которых идет речь. По словам автора „Ламахат“, стихи выражают следующее: „Не существует единого пункта пути и способа к достижению божественной истины, в силу этого не может быть и стремления к тому. О, дорогой мой, будь несуществующим, дабы стать сущим“.²

Кстати сказать, цитированные стихи Хаким-ата обнаруживаются и в одном из хикматов Ахмада Ясеви (Каз. изд., стр. 181):

* قل خواجه احمد يمان لرنى يما نى سن *
* برچه بو غداى ايل تو تما غان سما نى سن *

Кул Ходжа Ахмад, ты худший из худших,
Все пшеница, а ты мякина, не взятая населением.

Трудно сказать, пересказал ли Хаким-ата эти стихи, или снова они просочились в хикмат Ясеви благодаря позднейшим редакторам и переписчикам, тем более, что стихи явно напоминают фольклорные мотивы, напр., из песни „Зува-хан“ ферганских кыпчаков:

Зува-қан буwдај, биз арпа
Зува-қан ешан, биз қалпа...
Зува-хан пшеница, мы ячень,
Зува-хан наставник, мы служки...

В наличных сборниках встречается различное число хикматов Хаким-ата, от пяти до тридцати шести. Вопрос о личности Хаким-ата представляет особый интерес. В жизнеописаниях шейхов ясевийского толка третьим преемником Ахмада Ясеви называют то Сулейман-ата, то Хаким-ата, причем, вообще, имена четырех учеников Ясеви указываются различные. В одном списке „Самарат-ал-машаих“ приведены упомянутые выше стихи Сулейман-ата и по поводу их сделана приписка: „удивительно, что в „Ламахат-и-хызрат-и азизан“ стихи Сулейман-ата отнесены к Хаким-ата“.³ С другой стороны, во втором списке того же сочинения

¹ „Рашахат“, изд. ташкентской литографии Арифджанова, 1329 г. х., стр. 9—10.

² مدار طریق و طریق وصول بحضرت حق سچانه نیستی است و ازین ذائق
РКП Института восточных рукописей, № 638, л. 546.

³ بحضرت حکیم اتا.... نسبت داده اند
РКП Инст. вост. рукоп., № 2619, л. 186а, сл.

по поводу Сулейман-ата также сделана приписка, из которой явствует, что, согласно сочинению Молла Тахира Хорезми, имя Хаким-ата было прозвищем Сулейман-ата, коего именовали точнее Сулейман-ходжа, и что прозвище Хаким дал ему проницательный Хызр.¹

С именем Хаким-ата связана непосредственная преемственность в сочинительстве хикматов. В „Самарат-ал машаих“ по этому поводу имеется интересная приписка, гласящая: „Саид-ата, отец Сулейман-ата, сказал, что некоторые ученики (последнего) имели хикматы на тюркском языке“.² Не будет ничего удивительного, если окажется, что Мачин, Тадж и Хубби, перечисленные в нашем списке сочинителей хикматов, окажутся — первый преемником Ясеви Баба-Мачином, второй Тадж-ходжой, сыном Абдул малик-ходжи, сына Мансур-ата, первого преемника Ясеви, и, наконец, третий — Хубби-ходжей, сыном самого Хакимата.

Что касается других из упомянутых нами сочинителей хикматов, то совершенно правильно, говорилось, что „сведения об этих поэтах ограничены и недостаточны“. Однако по крайней мере часть из них хорошо известна, и мы располагаем убедительными данными о их сочинительстве.

В „Самарат-ал-машаих“ приводится перечень преемников хисарского шейха Али-шейха, мюрида шейха Амин-Баба, наставником которого был Садр-ата, третий халиф Занги-ата. Говорится при этом, что от шейха-Али-шейха руководство перешло к Мавдуд-шейху, а от последнего к трем преемникам его, — шейху Камалю-Икани, шейху Хадиму и шейху Зада Катибу. От шейха Камалэддина Икани же руководство перешло к шейху Саид Ахмаду и от него к Шамсу Узганди.³

Имена Икани и Шамса Узганди нам уже известны как имена сочинителей хикматов. В названном выше источнике об Икани говорится следующее: „Шейх Камалэддин, прозвищем коего было Икани, да будет над ним милость божья, был мюридом Мавдуд-шейха... Родился шейх Камалэддин в местности Икан, являющейся одной из местностей Туркестана, проживал в местности Алиабад, в Самарканде, умер и похоронен там же“.⁴

В „Ламахат“ Мухамед Алима об Икани говорится в тех же точно выражениях, причем в обоих случаях отмечается, что ему принадлежит много хикматов. Шейх Камалэддин Икани участвовал в собраниях Ходжа Ахрара.⁵ В „Рашахат“ приведен рассказ о встрече Камалэддин-шейха с Ходжа Ахраром в Ташкенте, при возвращении последнего из Хорасана. Камал-шейх продемонстрировал Ходжа Ахрару особый род зикра, так называемый „зикр-и арра“.⁶

¹ Так по РКП Инст. вост. рукоп., № 1336, л. 986, 99а.

² سعید انا پدر سلیمان انا تنند که بعضی خلقه بزبان ترکی حکمتها دارند
РКП Инст. вост. рукоп., № 2619, л. 66а.

³ РКП Инст. вост. рукоп., № 2619, л. 66а.

⁴ شیخ کمال الدین که لقب ایشان اِقَانِی است رحمه الله مرید مودور شیخ بوده اند و برادر طریقت عزیزان خادم مولد شیخ کمال الدین قریه اقانست که از نواحی ترکستان است سالها در موضع علیاباد و سمرقند می بوده اند وفات و مدفن
РКП Инст. вост. рукоп., № 2619, л. 208а.

⁵ و حکمت بسیار از ایشان سرزده که مشتمل بر معارف و دقائق این قوم است
و حضرت شیخ بمجالس سر یغه خواجه احرار خواجه عبید الله.... میر سیده
РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 636.

⁶ „Рашахат“, литогр. Арифджанова, Ташкент, 1329 г. х., стр. 15—16.

Почти слово в слово рассказано в „Самарат-ал-машаих“ и в „Ламахат“ о шейхе Шамсэддине Узганди: „Мовлана Шамс Узганди является одним из преемников шейха Саид Ахмада. Некий дервиш, долго служивший шейху Шамсу Узганди, повествует, что мавлана Шамс происходил из Узгента Туркестанской обл., где он родился“. Далее сообщается о том, что мавлана Шамс в своих хикматах выражал иносказательно тонкости мистического толка, и, в частности, ему принадлежит следующий из хикматов: *قطب جهان سيد احمد يا حضرت شيخيم مذكر* — „Полюс мира Саид Ахмад, о святейшество, шейх мой опора“.¹

По всем данным Шамс Узганди был плодовитым поэтом. Ему принадлежит значительное число хикматов и духовных стихов, из которых надо упомянуть „Кисса-и-махшар-нама“, „Кабур-нама“ и „Вафот-нама-и-хизрат Биби Фотима“. Последняя „Повесть о козчине пресвятой Биби Фатимы“ заканчивается стихами:

* شمس اوزكندی شفاعتدین تیلاب ایدی مونی *
* ای لاهی قیلا نو میدی مننک دیک بینوا *

Шамс Узганди, прося заступничества, поведал это.
О, боже, не обезнадеживай несчастного, как я.²

Наиболее яркой фигурой из сочинителей хикматов является, несомненно, шейх Худайдад. Хикматы его встречаются довольно редко. Помещенный в рукописном сборнике № 1564 Института восточных рукописей, хикмат Худайдада содержит его имя:³

خدای داد نینک ایشی ایرور سوزو کداز * اندا یو قتور سنکا لا یق روزه نماز
سرمايه سی بویدول یجور عجیز و نیاز * یا آلهم نجوک سنی تا یقای منا

„Дело Худайдада слово и мученье, в них нет для тебя должного поста и молитвы. Средства на этом пути слабость и бедность: о аллах, как я обрету тебя“.

Шейх Худайдад был учеником шейха Джемалэддина, преемника Хаким-шейха, мюрида известного нам Мавдуд-шейха. Шейх Джемалэддин за противодействие Шейбани-хану был выслан по приказанию последнего из Самарканда в Герат. Рассказывается, что когда Худайдад явился впервые к шейху Джемалэддину, шейх справился у него об имени. Худайдад назвал свое тюркское имя Худай-берди. Шейх Джемалэддин тут же назвал его на персидский манер Худайдадом, и это имя закрепилось за ним в дальнейшем. Из Герата Худайдад прибыл в Гидждуван и Бухару, так утверждает в „Ламахат“.

Происходил Худайдад из Миянкаля. Со слов Кази-хана Абдулла-хана, отец которого был мюридом Худайдада, передается, что шейх Худайдад был родом из селения Кызыл-Рабат миянкальской области. Некоторое время Худайдад находился в Кермине, когда правителем там был Джанибек-султан, дед Абдулла-хана. Из Кермине Худайдад приехал в Самарканд.⁴ Рассказывается, что к нему в гости являлись тюрки

¹ „Самарат-ал-машаих“, РКП Инст. вост. рукоп., № 2619, л. 2106. Упомянутое двустишие см. в хикматах Шамса по „Бакирган-китаби“, Казань, 1893, стр. 34.

² РКП Инст. вост. рукоп., № 5661, л. 3а — 4б; упомянутое „кыссэ“ там же, лл. 72а — 79б, лл. 10а — 13б; стихи об имаме Хусейне также с именем Шамса; см. лл. 25б — 51а и, наконец, л. 52б; ср. Бакирган-китаби, стр. 29, сл.

³ Этот хикмат следует в Бакирган-китаби, стр. 37, где всего 4 хикмата Худайдада.

⁴ „Ламахат“ РКП Инст. вост. рукоп., № 638, лл. 84б — 85, лл. 99а — 103а; ср. РКП Инст. вост. рукоп., № 495, л. 86а, сл.

из Кермине и Миянкаля и что, кроме того, у него был мюридом „один из казахских султанов“.

Из Самарканда Худайдад переехал „из-за частых нападений народа“ в селение Сугуд-и-Калан, под Самаркандом, и отсюда в местечко Азизе, где и находится его могила.¹

В самаркандский период своей жизни Худайдад, видимо, пользовался большим влиянием. Говорится, что Абу-саид-мирза был мюридом шейха Худайдада и при выездах на охоту в Сугуд-и-Самарканд посещал шейха. Абу-саид-мирза одаривал шейха; однако Худайдад раздавал будто бы полученные подарки беднякам.²

Не лишен интереса также рассказ в „Ламахат“ об отношении к Худайдаду Захирэддина Бабура. После смерти Шейбани-хана узбеки ушли из Мавераннахра в Дешт-и-кыпчак. Правителем Мавераннахра стал Бабур. Через некоторое время после этого Худайдад обратился будто бы к одному из своих мюридов — Арифу и сказал по-тюркски: „Ариф, нужны ли тебе узбеки, не волнуйся, ибо узбек будет государем“. Спустя известное время из Дешти-и-кыпчака появился Убейдулла-хан, и когда слух об этом дошел до Бабура, то этот последний отправил одного из своих эмиров к шейху Худайдаду за благословением. Худайдад сказал посланцу: „кто является лучшим мусульманином, тот будет государем“.³ Когда слова эти стали известны Бабуру, он заметил: „Мусульманство Убейдулла-хана превосходит мое, ясно, что мнение его святейшества сводится к тому, что он (Убейдулла-хан) будет государем“. Победил и стал государем Мавераннахра Убейдулла-хан.⁴

Все это интересно для нас в том смысле, что дает и хронологические рамки жизни и деятельности шейха Худайдада и некоторую общую характеристику его. Нет никакого сомнения в том, что шейх Худайдад был автором стихотворений-хикматов. Ему же принадлежат и персидские стихи. Одно двустишие Худайдада на персидском языке цитируется в „Ламахат“:⁵

* ای خدای داد صبر کن در عشق او مردانه دار *
* سیه مردانہ نیا ای جز زیان انداخته *

„О, Худайдад, терпи, обладай мужеством в любви к нему, не ищи наслаждения в людях, это принесет вред“.

Современником Худайдада был Касым-шейх, мюрид шейха Саид Ахмада. Касым-шейх является, по всей вероятности, сочинителем хикматов с именем Касым, о котором выше упоминалось. Рассказывается, что Касым-шейх 15 лет был мюридом Саид Ахмада и после его смерти некоторое время замещал своего шейха... Затем Касым-шейху пришло на мысль, что он еще молод и что он должен еще служить пиру настав-

¹ بعده بجهت کثرت هجوم خلايق از انجا در سغد کلان ابرمو نام قریه ایست بدانجا تشریف برده اند واز انجا بموضع عزیزی تشریف فرموده اند که موطن شریف РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 100а.

² „Ламахат“ РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 90а, л. 95а, 96б, л. 112а. О связи Абу Саида с дервишами см.: В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Пгр., 1918, стр. 137—139.

³ هر که مسلمان تر باشد وی پا د شاه با شد РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 166а.

⁴ مسلمانای عبید الله خان از ما پیشتر است ظاهر شد که رای حضرت عزیزان سیه آنست که وی پادشاه با شد Там же, л. 166б.

⁵ РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 115б.

нику. Тогда он принял решение и отправился в Бухару, к шейху Абдул-латифу. Через некоторое время он стал мюридом шейха Мавлана Вали в Самарканде, где и протекала его дальнейшая деятельность.¹

С именем Касым-шейха связан небольшой эпизод, проливающий любопытный свет на миссионерскую деятельность ясевиийских шейхов. Рассказывается, что Мавлана Исмагулла передавал, со слов Мавлана Мустафа-ар-Руми, что падишах Самарканда Абдуллатиф-хан обратился в беседе с Мустафа-Руми к последнему и спросил у него, почему Мавлана Вали не принимает узбеков в число своих мюридов, а Дервиш-шейх принимает, тогда как оба они являются мюридами шейха Худайдада. Мустафа-Руми не мог ответить на этот вопрос. Падишах решил послать посланца к одному из упомянутых шейхов, чтобы получить разъяснение. Однако Мустафа-Руми отсоветовал делать это, заявив, что приличнее получить разъяснение у мюрида (Мавлана Вали) Касым-шейха, и направился к нему.

Касым-шейх пояснил интересовавший государя вопрос иносказательно, в следующих выражениях: „Твой хан имеет аталыка и лейб-мехрема. Аталык ведает и благородными и простыми, а лейб-мехрем (محرم خاص) делами приближенных ведает (?). Точно так же и его святейшество шейх Худайдад сделал своим аталыком Дервиш-шейха, который берет себе в мюриды и узбеков и других, а Мавлана Вали сделал мехремом, и он принимает в число мюридов (лишь) приближенных“.²

Ясевиийские шейхи действовали, главным образом, среди тюркского населения различных областей. Однако с течением времени деятельность их, видимо, претерпела изменения и была перенесена в городские центры. Этим объясняется, возможно, и двуязычие дервишских поэтов, например того же Худайдада.

Большие или меньшие подробности можно привести и в отношении других сочинителей хикматов — Гариба, Сайфаддина, Шарифа и др., но это не входит, собственно, в нашу задачу. Стоит упомянуть лишь имя одного поэта. Это шейбанид Убайдулла-хан, поэтическим прозвищем которого было имя Убайди. Убайдулла-хан был ревностным дервишем и имел своих мюридов. Известен он и как автор персидских мистических стихов. В рукописном сборнике Института восточных рукописей Академии Наук Узб. ССР, № 501 содержится краткий комментарий Махмуд-и-А'зама Касани (Хаджаги Ахмад-бин Джелаледдина) к газелям Убайдулла-хана (Шарх-и-газал-и Убайдулла-хан), где в одном из двустиший заключено его поэтическое имя, упомянутое выше (л. 282 б):

عبيد ی آنکه نه بنید بحسم سرورا * با و مگو نظر از ماه تا بما می کن

Со слов того же Махмуд-и-А'зама Касани известно, что Убайдулла-хан писал стихи и на родном, узбекском языке. В „Рисалэ-и-чор калима“ упомянутый Махмуд-и-А'зам Касани, толкуя о скрытом мистическом смысле „четырёх выражений“, цитирует стихи Убайдулла-хана, заключающие эти выражения в следующих словах: „Так его святейшество

¹ „Ламахат“, РКП Инст. вост. рукоп., № 638, лл. 1736. 175а.

² اتالیق خواص و عوام رای پرسد و محرم خاص را نمی پرسد همچنین حضرت عزیزان شیخ خدا یداد درویش شیخ را اتالیق خود ساخته که اوزیک و غیبه را مرید می گیرند و عزیزان مولانا ولی را محرم ساخته اند که خواص را مرید می گیرند „Ламахат“, РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 170а.

хан, богоугодный и возлюбленный сердец дервишей, Убайдулла-хан, говорит, стихи:

هر لحظه وطن ایچرا سفر قیلغوم دور * یورما کدا قدم اوزرا نظر قیلغوم دور
خلوت تو تو بان هم انجمن ایچرا مدام * خلوت گم قربت غه کدر قیلغوم دور

Каждый миг я стремлюсь путешествовать в „жилище“,
Двигаясь, стремлюсь лицезреть, стоя на ногах,
Держась в уединении [хочу быть] постоянно в обществе,
Стремлюсь пройти в тайное место единения.

Таким образом, принадлежность стихотворений-хикматов Убайдулла-хану едва ли может вызвать сомнения.

Теперь мы можем подвести некоторые итоги сказанному в отношении состава сборников хикматов Ахмада Ясеви.

Поэтическая традиция, начатая Ясеви или его ближайшими преемниками, продолжалась на протяжении ряда веков. Традицию эту поддерживали „тюркские шейхи“ ордена „ясевия“ или „джахрия“, которые всемерно увеличивали славу Ясеви сочинительством и духовных стихов и хикматов. Стихотворения-хикматы употреблялись на дервишских радениях-зикрах. В одном из хикматов Ясеви, вернее же Хаким-ата, как значится в „Бакирган-Китаби“, по этому поводу говорится следующее:

* سری بیرلان سوزلارلار تیل کا حکمت توزارلار *
* عشق بیرلان جان کیمزارلار رنکی سر یغ اارویشلار *

„Говорят тайно, язык уснащают хикматами, любовью пронизывают душу бледнолицые дервиши“.

Это обстоятельство, между прочим, обуславливало изустное распространение стихов. Повидимому, и в ордена „Накшбандия“ были приняты хикматы, которые заимствовались, возможно, из общего источника. В одном случае в рукописи Фундаментальной библиотеки САГУ (№ 210) среди хикматов Ахмада Ясеви неожиданно обнаруживается (л. 326) хикмат с прославлением Бахаваддина:

* بها والدین قلو نکنی عاصی لار نیمک اولو غی *
* محشر کو نی بولغاندا نومید قویمس یار حمن *

„Бахаваддин раба твоего, величайшего из грешных в день воскресения (мертвых) не оставит без надежды, о, милосердый [бог]“.

Хикматы Ясеви передавались изустным путем и переписывались многочисленными читателями. С течением времени, наряду с хикматами Ясеви, если таковые вообще существовали, стали обращаться стихотворения-хикматы его последователей. Вместе с syllabическими стихами появился аруз — квантитативный метр. Менялся язык. Стали возможны случаи смешения авторов. Способы передачи обуславливали отклонения от первоначального текста, в отдельных случаях возникали разные редакции хикматов. По всем признакам формироваться сборники хикматов стали не ранее второй половины XV в. Позднейшие сборники хикматов, составлявшиеся с учетом накопленного книжного опыта, опирались в отборе хикматов на упоминание в стихах имени Ахмада Ясеви. Однако, вместе с этим, перед нами всплывает новый вопрос, к которому и переходим.

II

Все ли стихотворения-хикматы, в которых упоминается имя Кул Ходжа Ахмад, Ходжа Ахмад и т. д., в действительности принадлежат самому Ахмаду Ясеви? Писал ли вообще стихи Ясеви? В хикматах настойчиво и многократно повторяется мысль о принадлежности их Ахмаду Ясеви. Таких стихов значительное число: „Кул-Ходжа Ахмад подобный жемчугу хикмат поведал“, „Султан Ходжа Ахмад Ясеви поведал хикмат свой целиком“, „Кому поведал ты хикмат, Кул Ходжа Ахмад, и мудростью кичась распространил, прочтя народу“ и т. д.¹ Часто упоминается „вторая тетрадь“ (дафтар-и-сани) хикматов: „Вторую тетрадь словес открыл я“, „Тетрадь вторую поведал я на память вам“ и т. д.

Мало того, в ряде случаев называется и число хикматов — 4400 и, в другом случае, 9900.² Гиперболически звучат и такие стихи: „Одна моя тетрадь (заключает) до ста тысяч хикматов, в этом мире у меня четыре тетради есть“.

Однако все это не уменьшает, а увеличивает наши сомнения, особенно если учесть некоторые характерные разночтения в тексте этих строк.³ Вскользь допускалась возможность существования повта более позднего периода с именем Ахмад на том основании, что часть стихотворений-хикматов писана арузом и появилась, повидимому, позднее. Это возможно. Ахмаду Ясеви могли быть приписаны хикматы, написанные позднее сочинителем с тем же именем. В пользу этого предположения могут быть приведены следующие аргументы:

1. В хикматах сплошь и рядом упоминается имя Ахмад или Ахмади с обычными эпитетами кул, мискин, доно. Хикматы с этим именем, в первую очередь, выделяются рядом особенностей. При этом следует заметить, что хикматы с именем Кул Ходжа Ахмад и другими подчас не укладываются в общий размер стихов; например *tāvba kīlşīl* *ходжа ахмад болғај һақдін їнајят* по казанскому изданию (стр. 57) не укладываются в размер хикмата, но по рукописи Залемана (л. 69а) этот стих читается с именем *ја ахмад*, что соответствует размеру. Такого рода замены встречаются не один раз.⁴

2. В одном случае следует стих: „Имя мое Ахмад, Туркестан земля моя“. Приписывается Ходжа Ахмаду Ясеви и другой стих: „Место рождения моего тот благословенный Туркестан“, или „В Туркестане я остался мазаром“ и т. д.; во всех случаях имеется в виду город Туркестан.⁵ Известно, что в домонгольскую эпоху название Туркестан распространялось иногда на Мавераннахр и области за Сыр-дарьей, но только в конце XV в. город Ясы стал называться Туркестаном, когда и могли появиться соответствующие стихи.

¹ См. казанское пятое издание, стр. 125, стр. 7, 186, стр. 124; РКП ИВ В 286, лл. 54а, 77а, 91а.

² См. казанское пятое издание, стр. 34, РКП ИВ В 286, лл. 77а, 27а. Число хикматов имеет здесь аллегорическое значение. Упоминается такое же число учеников Ясеви в четырех частях света.

³ Предполагается появление „второй тетради“ среди продолжателей Ахмада Ясеви. Описки в тексте казанского сборника также утверждают такую возможность, например: *hikmāt ajt deb* (ایت دیب) *башларімгә нур сачилді* (стр. 24), по РКП Залемана: *hikmāt ajat* (ایت) *башларігә дурр сачилді* (РКП ИВ В286, л. 92а), или *hikmāt ajt* (ایت) *субхан іді гоја болдум* (стр. 71) по РКП Залемана: *hikmāt ajtib* (ایتیب) *субхан еғам гоја болдум* (РКП ИВ В286, л. 92б). В одном случае утверждается, что Ахмад Ясеви писал хикматы по „большим книгам“ — *vlvb vlvb kītablārdīn ajdi munī* (ср. казанский сборник, стр. 140).

⁴ Ср. казанск. сборник, стр. 148, 111, 53, 49, РКП ИВ В286, лл. 99б, 34а, 96б, 54б, 85б.

⁵ РКП Инст. вост. рукоп., № 377 — *ātīm Ahmād Turkiştān dur jerīm meniң*, л. 44а, сл. Казанск. сб., стр. 182. Ср. там же, стр. 51.

3. Именно стихи с именем „Ахмад“ или „Ахмади“ писаны преимущественно арузом и отличаются той „модернизацией“ языка, на которую указал проф. П. М. Мелиоранский. Примером могут служить следующие стихи:

* که بیلہاس دہ کنہا ہسپار قیلد یم *
 * کونکل لارنی بوزوب آزار قیلد یم *
 * کہ ہر عاصی ابرور رحمت کا لایق *
 * کیل ای احمد دعاغہ بول موافق *

В неведении много грехов совершил я,
 Расстроив, сердца огорчил я,
 Каждый грешник достоин милости,
 Приди, о, Ахмад, будь согласным молитве.¹

* ای دو ستلار یم اولسام مین بیلہام کہ حالیم نہ بولور *
 * کورکہ کیویب یا تسام مین بیلہام کہ حالیم نہ بولور *

О, други, умри я, не знаю, что будет со мной.
 Коль слягу в могилу, не знаю, что будет со мной.²

* کہ مست ایردیم کہ من آندیں آیریلد یم *

В опьянении я [почему и] разлучился с ним.³

Сочинители хикматов позднего периода, обогащенные опытом поэзии XV в., естественно, усложнили и формы своего творчества. В ряде случаев прямо напрашивается сопоставление отдельных стихов Ахмади со стихами Алишера Навои, творчество которого могло быть источником вдохновения для первого.⁴

Навои: هر دم انی کورکا لی کو نکوم قوشی پرواز اینتار
 Ахмади: هر سری بارسه او شال یاری بیلا ن پرواز اینتار
 Навои: قیل امیدو، بیره غمکین خا طریمنی شاد اینتار
 Ахмади: اهل دل بو لغان کشی غمکین کو نکونی شاد اینتار

4. Уже в приведенных стихах обращают на себя внимание фарсизмы, характерные именно для более поздних сочинителей хикматов. В стихах с именем Ахмад (Ахмади) фарсизмы обычны. Ограничимся несколькими примерами:

* صوفی من دینب لاف اورار سن آه افغانینک قتی *
 * آشید سرخ رنک زرد چشم کُر یا نینک قتی *
 * مُر شیدی کامل مکمل راء مَر دَا نینک قتی *
 * صغی نقش اولدونک ولی هر کُر مسلمان بوملا یدک *

Говоря „я суфий“, хвастаешь ты, где вздохи и стоны твои,
 Где кровавые слезы, желтый цвет и плачущие очи твои,
 Где совершенный наставник и мужества пути твои,
 Ты внешне стал суфием, но не стал отнюдь мусульманином.⁵

¹ Казанск. сб., 5-е изд., стр. 56.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 55.

⁴ Там же, стр. 69—70; „Чор деван“ Навои, РКП Ташк. пединститута № 41 510, л. 1066.

⁵ РКП ИВ В 286, л. 656, сл.; казанск. сб., стр. 178; „Бакирган-китаби“, стр. 48, сл.

В рукописи Фундаментальной библиотеки САГУ № 210 (лл. 60а — 61а) мы находим неожиданно среди стихотворений-хикматов Ахмада Ясеви персидские стихи с тем же именем Ахмад, заканчивающиеся следующими строками:

- * چه سازی بلکه آن ساعت که مری آید بها نی
 * دارم دو سعی پیویشاننداء زینت سنت
 * چرا آخر نسبی آری یک آهی پیشیا نی
 * جو گفت احمد برای این زرددل یکی نکته
 * مسلما نان مسلمانان مسلما نی مسلما نی

5. Послесловие в казанском „Диване“ (в некоторых сборниках это предисловие), писанное арузом, обращенное к читателям хикматов и стоящее обособленно, как это явствует из рукописи К. Г. Залемана (л. 6, сл.), заключает также имя Ахмад.¹ Хикмат с именем Ахмад, № 35 по пятому казанскому изданию (стр. 72, сл.), на тему о приближении судного дня, по содержанию чрезвычайно близок другому хикмату, № 102 того же сборника (стр. 171, сл.), принадлежащему также позднему сочинителю Гарибу.

6. По всем признакам составители сборников хикматов Ахмада Ясеви подозревали в свое время о существовании другого Ахмада. Хикматы с именем Ахмади почти все отсутствуют в рукописи К. Г. Залемана и не всегда имеются в других сборниках, хотя нет никакого сомнения в том, что они должны были быть впоследствии смешиваемы, в чем мы уже могли убедиться. В одном случае такого рода замена имени приобретает для нас принципиальный характер. Заключительные стихи хикмата № 118 пятого казанского издания „Дивана“ (стр. 199) имеют строку с упоминанием имени Ходжа Ахмад:

- * خواجه احمد درمنیم آتیم تونی کونی ینار او تیم

Ходжа Ахмад имя мое, день и ночь горит мой огонь.

Однако эта строка по казанскому же изданию 1893 г. „Бакирган-Китаби“ (стр. 7) читается с именем Тадж Ахмад:

- * تاج احمد درمنیم آتم تونی کونی ینار او تیم

Тадж Ахмад имя мое, день и ночь горит мой огонь.

Таким образом, вопрос об этом имени требует особого внимания. Вместе с тем никаких прямых данных на этот счет у нас нет.

Среди многочисленных шейхов ясевийского толка было несколько лиц с именем Ахмад. Однако сообразуясь с хронологическими данными, следует предположить, что сочинителем хикматов мог быть, повидимому, шейх Саид Ахмад, он же Ходжа Ахмад, мюрид Камалэddина Икани и наставник шейха Шамсэddина Узганди и Касим-шейха. По всей вероятности Саид Ахмад в дервишской среде носил также имя Молла Ахмади, как это можно видеть по одному месту „Ламахат“.²

Рассказывается, что Саид Ахмад двадцать лет служил шейху Камалэddину и был в сношениях с шейхом Худайдадом. При переезде из Бухары в Самарканд Саид Ахмад остановился в Кермине у Худайдада,

¹ РКП ИВ В 286, л. 6: چين آيدى آحمدى مسكين بوسوزنى خوانندک و همپديدن

قو تَقَار غای اوزنی

² РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 75а.

и последний отнесся к нему с большим почтением. В Самарканде Саид Ахмад участвовал в собрании Ходжа Ахрара, причем, по „Самарат-ал-машаих“, Ходжа Ахрар удалил его из собрания за то, что он нарушил состояние экстаза ходжи.¹ В „Ламахат“ речь идет о бестактности одного из учеников Ходжа Ахрара.²

Умер Саид Ахмад в Самарканде и похоронен за воротами Шейх-заде, кои назывались также Па-и-Кабак.³

Предстоит большая дополнительная работа по установлению текстов Ахмади и его авторства. Это, в свою очередь, коснется стихотворений-хикматов, приписываемых Ясеви.

Вырисовывается сложная картина. Уже первые преемники Ахмада Ясеви считают сочинительство хикматов своей первейшей обязанностью в распространении ими мистического учения знаменитого „тюркского“ шейха. Эта поэтическая традиция становится неотъемлемой частью „ясевизма“. Ясевийские шейхи хранят именно родной „тюркский“ язык в поэзии; в этом их известная заслуга. Однако с течением времени первоначальная простота народного стиха перестает удовлетворять дервишских поэтов, когда сила и влияние ясевизма укрепляются в центрах богословской образованности и высокой поэтической культуры. На смену народному стиху сочинители хикматов все больше прибегают к арузу, — количественному арабо-персидскому метру.

Идея „Дивана“ — сборника хикматов Ахмада Ясеви и его преемников зародилась, повидимому, в период торжества ясевизма (на рубеже XV и XVI вв.), когда вместе с подлинными стихами Ясеви уже обращались стихи, приписываемые ему и пережившие значительный период изустной передачи и различных редакций. Сейчас очень трудно установить с большой точностью, какие именно хикматы принадлежат самому Ясеви. Легче, пожалуй, доказать обратное, что Ахмаду Ясеви не принадлежит ни одного из известных нам стихов, и что все приписано ему позднее. Данные языка, в частности, также не дают нам точки опоры.

О языке хикматов Ахмада Ясеви уже высказывались самые различные предположения. Один узбекский историк литературы, автор „Общего обзора среднеазиатской и узбекской литературы“, не искушенный в специальных лингвистических вопросах, выразился в том духе, что „появление узбекского диалекта в письменной литературе можно возвести ко времени Ахмада Ясеви — это значит сказать, что самое старое произведение, написанное на узбекском диалекте, «есть хикматы» Ясеви“. Отсюда явился вывод, что язык „хикматов“ не был связан с „карлукско-уйгурским“ языком „Кутадгу-билиг“. Это впечатление складывается, видимо, при чтении дошедших до нас текстов хикматов. Не чужд был ему и Г. Вамбери, по словам которого язык хикматов Ахмада Ясеви базируется на „диалекте кокандского ханства“.

Остроумные, но не обоснованные ничем соображения высказывает по этому поводу проф. Кюпрюлю-заде. По его словам, Ахмад Ясеви как уроженец Исфиджаба мог принадлежать к племени Аргу, в силу чего язык его, при наличии некоторого огузского влияния, был язык восточнотюркский, близкий языку „Кутадгу-билиг“ и развивался на карлукской диалектальной основе. Предлагалась и поправка к этой упомянутой выше догадке в том смысле, что язык хикматов Ахмада Ясеви развивался на „кыпчакско-огузской“ или „карлукско-кыпчакско-огузской“ основе.

¹ „Самарат-ал-машаих“, РКП Инст. вост. рукоп., № 1336, л. 1156, сл.

² „Ламахат“, РКП Инст. вост. рукоп., № 638, л. 646, сл., л. 66а.

³ Там же, л. 66 б.

Довольно категорически звучит утверждение Т. Менделя, согласно догадке которого „...язык в его (Ясеви) «Диване» восточно-тюркский и стоит в прямой связи с языком «Кутадгу-билиг» и орхонской письменностью“.¹

Гипотезы такого рода призваны расчищать путь к истине. Однако на нашем пути такое обилие шипов и терний, что без основательной очистки догадки не будут иметь никакого значения. Задача трудна из-за отсутствия достоверных текстов и сложности литературной истории хикматов. Однако мы все же должны знать, что дают нам наличные тексты хикматов с языковой стороны.

1. Первое, с чего по- существу мы должны начать, это — анализ языковых особенностей каждого списка „хикматов“ в отдельности, — так много в них привнесли многочисленные переписчики местного, диалектального. Наиболее существенными с этой стороны являются следующие черты Accusativus-Genit., на-ни характерный и для живых узбекских говоров, например: *dārjāni gāwharī* „жемчуг моря“, *kārwanñi soñin ālib kochārmī-zā* — „каравана конец взявши (— следом за караваном) переселимся мы“ и т. д.

Как и в живой речи, под влиянием книжного языка Accusativus и Genitivus замещают друг друга — бу *dunjāni* *fāw/ acini* || бу *dunjāni fāw/ acini* — „гам этого мира“, *anin učun* || *anī učun* — „для этого“ и т. д.; или *ikkī ālām iṣratīni* *mājga sāttim* (РКП ИВАН, В 286, л. 27 а, б) — „обоих миров удовольствия (Асс.) продал я за вино“; в Казанском издании (стр. 34) — *iṣratlarin* и т. д.

2. Повелительные глаголы 2 лица ед. ч. на *gil* и — *gin* (— *f il*, *f in*): *kor il* || *kor gin* — „гляди“, *sāl f il* || *sal gin* — „положи“, *ki l/ il* || *ki l/ in* — „дейлай“ и т. д.; то же в случаях 1 лица мн. ч. *aj täluk* || *aj tāli* — „скажем-ка (мы)“, *bār āluk* || *bār āli* — „пойдем-ка (мы)“ и т. д.

3. Специальный интерес представляет так называемое „вставочное н“ при локативных падежах. В большинстве говоров живых это „н“ отсутствует, нет его и в памятниках XV—XVI вв., но группа памятников сохраняет „вставочное н“. Речь идет следовательно о двух диалектальных источниках, имеющих глубокую историческую перспективу. В хикматах эти две линии перекрещиваются, „вставочное н“ то появляется, то исчезает. Сравните (по казанскому изданию):

а) *'āsālārī elkindā himmāt qurī belindā*
i dīm jādi tili nda āllā degān derviṣlār (стр. 96)

Посохи в руках их, пояс подвига на чреслах,
помянутое бога на языке, бога назвавшие дервиши.

б) *himmāt qurī belidā māwlim jādi tili dā*
zulfiqārī elkinda шерi худā 'āli dur (стр. 107)

Пояс подвига на его чреслах, помянутое бога на языке,
сабля Мухаммеда в руках его, лев божий Али.

4. В области лексики также перемежаются диалектальные элементы; например: *jakin jāwuk* — „близко, близкий“, ср. по РКП ИВ В 286 (л. 93 а): *ji/ lamajmu olār waqtim jakin jetti*; то же по казанскому изданию (стр. 71): *ji/ lamajmu olār waqtim jāwuk jetti* и т. д. Еще *oñ-sol* и *on-soñ* — „правый-левый“, например: *oñ-y-soñā kachar ermiş* (РКП ИВ, В 286;

¹ Th. Menzel. Die Aeltesten türkischen Mystiker. Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges. T. 79, 1925, S. 278.

л. 37 а) — „убегут, будто, направо и налево“ и т. д., или *äcäl jañlıķ* сучук (казанск. изд., стр. 181) — „меду подобно сладкий“ и *bälđin* сучук (id., стр. 225) — „слаще меда“ и т. д. Число такого рода фактов может быть легко увеличено.

Специальный интерес представляло бы исследование арабо-персидских элементов в историческом аспекте, но мы ограничены здесь хронологическими рамками текстов стихотворений-хикматов. В частности, характер фарсизмов в хикматах указывает на непосредственность влияния персидского языка, граничащую с двуязычием. В отборе лексики так и чувствуется легкость обращения с заимствованиями, например: *hämme kās wāi dedī* (РКП ИВ, В 286, л. 37 б) „все люди (вм. кіші) «ой» сказали“; *äj koksī baland* — „о, тщеславный“ (буквально „высокогрудый“); *du 'älām* (Казанск. изд., стр. 227) — „два (оба) мира“; *berobol il* (id., стр. 109) — „будь безликим (покорным)“; *ro-i-sijāh* „злосчастный“ (буквально „черноликий“); *berur badga džāzā* (id., стр. 77) — „накажут дурных“; *ķilmā bāzī* (стр. 166) — „не делай забавы“; *kundin kungā zijād* (РКП ИВ, В 286, л. 375) — „изо дня в день больше“; *bād ķardām-u bād ķirdār* (id., л. 32 б) — *bādhāwā* — (Казанск. изд., стр. 111) — „пустой, лишний“ и т. д. Дело не ограничивается заимствованиями.

В хикматах довольно обычна конструкция „персидского изафета“, например: *riż-ī fārāwān* — „благообильные“, *añl-ī wāfā* — „люди верные“, *ruż-ī mähşār* — „день воскресения (мертвых)“, *hāk-ī pāji* — „прах ног“ и т. д.

Наряду с этим в хикматах обычен соединительный союз персидского происхождения — *u*, например: *dāf -u hāsrāt* — „горе и печаль“, *māl-u pul* — „имущество и деньги“, *džān-u dilim* — „душа и сердце мое“, *iç-u tāşim* — „внутренность и внешность моя“, *tâf -u tāş* — „горы и камни“, не *surāt-u*, не *sijrāt-u*, не *äjn-u 'äjändä* (РКП ИВ В 286, л. 28 а) „ни вида, ни образа жизни, ни очевидности сути“ и т. д.

Следует заметить, что удельный вес фарсизмов в хикматах увеличивается у более поздних сочинителей, которым не чужда была образованность своего времени. Характер же фарсизмов и в хикматах Ахмада Ясеви таков, что заставляет предполагать о позднем происхождении их вообще.

Проф. П. М. Мелиоранский в свое время заметил, что „язык Ахмада (Ясеви) в доступных нам рукописях и в печатных изданиях позднейшими переписчиками модернизирован“. С этой точки зрения большое значение для нас приобретает характер архаизмов в хикматах, по которым мы можем восстановить хотя бы приблизительную исходную картину. С течением времени все непонятное, устаревшее, по мере возможности, устранялось переписчиками; сравните, например, по рукописи Залемана (В 286, л. 12 б) *nä ķilñajsan jazuklarıñ tâf dīn âf ip* — „что поделаешь, грехи твои тяжелее гор“, по РКП ИВ АН, № С 145, соответственно,.... *gunāhlarıñ* (л. 12 а), по рукописи Залемана (В 286, л. 16 а) *jöldin äzsāñ qolun tutub jol'a cālsun* — „коли с пути собьешься, взяв за руку, пусть направит на путь“, по РКП ИВ АН, № С 145, соответственно... *jol адашсан...* (л. 65 а), по казанскому изданию (стр. 64) *uñmāx içrā* — „в раю“, по РКП ИВ АН, № С 145 — *bāhşāt içrā* (л. 41 а) и т. д.

Наиболее существенные архаизмы в хикматах можно свести к следующим группам:

1. С фонетической стороны обращает на себя внимание конечное /-имен, например: *tufrâf* — „прах“, *sarîf* — „желтый“, *tanîf* — „известный“, *ķamuf* — „вся, всё“, *çirâf* — „светильник“, *uluḡ* — „великий“ и т. д. В этой связи следует выделить и относительные прилагательные на *LUḡ*, *Liḡ*, например: *hakikatliḡ* — „истинный“, *ujķuluḡ* — „сонливый“, *ķaj-*

қулуғ — „печальный“, оңлуғ — соңлуғ — „правый и левый“, суфіліғ — „суфийский“ и т. д. Ср. по рукописи Залемана (РКП ИВ, № 286, л. 48 б):

- * مُحَبَّبَتٌ لَيْعٌ عَاشِقٌ لَوْ نِي رَنْكِي سَرِيغٌ *
 * أَيُّنْهَ غَه نَظَرُ قَيْسَا أَنْدِينُ نَائِيغٌ *
 * اَوْزِي حَيْرَانُ كَوْزِي يَاشَلِيغٌ *

Бледен цвет влюбленных, полных любви,
 Если взгляд на зеркало бросят — из него узнают,
 Сами изумленные, глаза в слезах.

Эта особенность известна в языке орхонских памятников в древнеуйгурском, в „Кутадгу-билиг“, в „Кысас-ул-анбия“ Рабгузи и в языке писателей XV в., причем в позднюю эпоху, как это имеет место и в хикматах, конечное ǵ в обоих упомянутых выше случаях чередуется сплошь и рядом с қ.

2. Старая форма деепричастия на „у“, — ју, так обычная еще в памятниках XIV в. (у Рабгузи, в тefsире XIV в. и др.) и дожившая эпизодически до XIX в., в хикматах встречается в единичных случаях, например: теју „говоря“, сајрају шāхдјн шāхқа қонар, достлāр (казанск. изд., стр. 94) — „распевая, с ветки на ветку садятся, друзья“ [по рукописи Залемана, л. 96 а; сајраб шāхлардјн шāхқа и т. д.], істају болді авиң сādіқларі — „искать стали его истинные [друзья]“ и т. д.

В этой связи стоит напомнить следующее любопытное обстоятельство: у ряда авторов (автор „Абушки“ со ссылкой на Навои и Султана Хусейна, Мехди-хан, со ссылкой на Навои) принято рассматривать форму на — у, у как форму повелительного глагола, когда налицо явно деепричастное значение. Цитата из Ясеви с персидским переводом, которую мы привели впереди — tok jeју to/ rј јуру, подтверждает и наличие повелительной формы на у, — ју. Напрашивается и сопоставление этой формы с отрицательным глаголом: Fафјл јурума āслің — наслің hāmā туфрā/ (РКП Залемана, л. 35 а) — „беспечно не ходи, начало и происхождение твое — все прах“.

3. Редка, сравнительно, в хикматах и форма причастия на јур после основ на гласный, обычная в древнеуйгурском и в памятниках XIV в. (Рабгузи), например, сајрајур бечāрā булбул (казанск. изд., стр. 129) — „поет бедняга соловей“. Форма эта сохранилась и у поздних сочинителей хикматов, например у Гариба: јі/ лајурлар, бозлајурлāр, маңрāјурлāр (казанск. изд., стр. 173) и т. д.

4. „Восточная“ форма будущего (будуще-настоящего неопределенного) времени на /у живет в хикматах прочно, например: зāрі қілсаң бāндāдебāн сур/ ум мāнā (РКП ИВ В 286, л. 48 б) — „если будешь стенать, раб мой, сказав спрошу я“; шāфј' болуб шāфā'ātнј қіл/ ум озум (id. л. 48 б) — „будучи заступником, заступничество окажу я сам“; корғуң дідār (казанск. изд., стр. 202) — „ты увидишь лицезренье“ (id., стр. 100) и т. д.

5. О происхождении причастия на мīш в хикматах: бīлмīшлар, āлмīшлар, тīлāмīшāм (Казанск. изд., стр. 98) трудно что-либо сказать, памятуя, что форма эта могла сохраниться от древне-уйгурской традиции, но могла быть усвоена в линии позднейших „юго-западных“ влияний, как это имеет место с формами кетāрāм (казанск. изд., стр. 186) — бīлман || бīлмам и др.

6. Что касается фактов лексического порядка, то и здесь архаизмы в хикматах сравнительно не многочисленны: это қāју — „который“; қамуғ — „все, всё“; елік || елк — „рука“; ај — „говорить, сказать“; арі/ —

„чистый, святой“; учмах — „рай“; іді — „владыка, бог“; јазук „грех“; нучук — „какой, как“; емгәксізін — (Казанск. изд., стр. 185) — „без труда“ и др. Перечисленные лексические элементы имеют место и в легенде о Хаким-ата и обычны в то же время и у писателей XIV—XVI вв.¹

Сказанное позволяет нам сделать общий вывод о том, что язык хикматов Ахмада Ясеви, судя по тем текстам, которыми мы располагаем, восходит к „восточной“ караханидской литературной традиции. Что же касается позднейших напластований, то они повторяют общие судьбы староузбекского (чагатайского) языка. Принадлежность хикматов самому Ясеви по данным языка доказана быть не может.² Легче проделать сложную литературную работу по установлению хикматов более позднего происхождения, возникавших вокруг одного имени.

¹ Ср. архаические элементы в легенде про Хаким-ата, Залеман, стр. 130, сл.

² Теоретически мнение Мелиоранского и Брокельмана о языке Ясеви остается в силе.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

А. К. БОРОВКОВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА. II

(Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского „тефсира“ XIV—XV вв.)

Среди памятников узбекского языка раннего периода уже давно был отмечен чрезвычайно ценный для истории языка среднеазиатский перевод корана с толкованиями, или „тефсир“, как обычно именуются подобного рода комментарии к корану и преданиям. Список нашего „тефсира“ был найден в г. Карши и по языку приурочивался к памятникам монгольской эпохи.¹ Указывалось на смешанный характер языка этого памятника и на архаические элементы в словаре, сближающие наш „тефсир“ с памятниками более раннего домонгольского периода.² По тем же словарным признакам предполагалось, что рукописный список „тефсира“ принадлежит примерно ко времени тимуридов и что язык первоначального сочинения отчасти подновлен при переписке.³

Арабский алфавит обуславливает определенные трудности фонологической интерпретации не арабского текста. С другой стороны, сколько-нибудь подробное фонетическое исследование предполагало бы, неизбежно, привлечение очень широкого круга источников. Это обстоятельство заставляет отложить фонетическую характеристику языка нашего „тефсира“ и ограничиться рамками морфологии. Для краткости изложения весь материал распределяется на две группы: имена и глагол.⁴

¹ Зап. Вост. Отд. ИРАО, XXIII, вып. III—IV, 1916, стр. 249.

² Азиатский музей Российской Академии Наук, 1818—1913, Краткая памятка, II, 1920, стр. 4.

³ W. Barthold. Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien. *Asia Major*, II, Fasc., I, 1925, стр. 125—127, вып. I; А. К. Боровков. Ценный источник для истории узбекского языка, Изв. ОЛИЯ, VIII, январь-февраль, 1949, стр. 67 сл.

⁴ В дальнейшем в смыслах приняты следующие сокращения:

АФ — П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.

KB — W. Radloff. *Das Kudatku Bilik des Iusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun*, Theil II. СПб., 1900—1910.

В — Венская рукопись.

К — Каирская рукопись.

Т — Ташкентская (= Наманганская) рукопись.

KK — В. В. Бартольд. *Китаби-Коркуд*. ЗВО, VIII, XI, XII, XV (текст).

МК-V — K. Brockelmann. *Mahmud Al-Kasfaris Darstellung des türkischen Verbalbaus*, Keleti Szemle, t. XVIII. Budapest, 1918/19, стр. 29—49.

NF — W. Radloff. *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Neue Folge, СПб., 1897.

Рбг I — П. М. Мелиоранский. *Сказание о пророке Салихе*, Сб. ст. учеников проф. В. Р. Розена. СПб., 1897, стр. 279—303.

ИМЕНА

§ 1. Склонение существительных в языке „тефсира“ отражает состояние хронологически разновременное, характерное для памятников XI—XV вв. Это впечатление создают неоднородные формы склонения.

Родительный падеж (Genitiv) на *-ni*, *-nu* или *-i*, *-u*: *ani*, *қазаши* (14, 7) ‘его брат’; *aj harunni miwi қазаши* (13, 1) ‘о, сестра Харуна’; *ол дани iki jūz қарі бйўўклўк ерді* (38⁶, 13) ‘высота того дома была в двести локтей’; *хамзани қумрија атли қарабаши бар ерді* (27⁶, 21) ‘у Хамзы была служанка по имени Кумрия’; *омарни бір сиқлі бар ерді* (26⁶, 11) ‘у Омара была одна сестра’ и т. д.

Аффикс род. п. — *nu* не находится в зависимости от вокализма основы, напр. *зина қлға(н)ну ншанасі болур так і хамір ічкә(н)ну, ншанасі болур* (106, 18) ‘у совершившего прелюбодеяние будет примета и у пившего вино будет примета’; *әзләріну тән wә малларі* (90, 11) ‘свои особы и имущество’; *анларну азаларині анлардін ајурур* (103, 18) ‘их члены тела отделят от них’ и т. п.

Чередование аффикса *-ni* // *-nu* свойственно и языку Рбг, напр.: *‘араб-ну адати бар* (Рбг I, 297, 3) ‘у арабов есть обычай’ (по списку А. ‘араб-ни...’, там же, примеч. 2); *бізі тедрімізні* (Рбг I, 285, 15) ‘у нашего божества (по А, напротив, *тедрімізну*..., примеч. 21) и т. д. Это указывает на разную диалектальную основу аффиксов *-ni* и *-nu*. Аффикс *-nu* клонит к „восточной“ древнеуйгурской традиции и сохранился как диалектизм в узбекской письменности до последнего времени. Ср. в уйгурской версии XIV в. легенды об Огуз-хане: *јауқну аоасінда* ‘среди блеска’, *ану башінда* ‘на ее голове’,¹ у Сиди Ахмеда (XV в.): *ешіклі еј улусну падишаһі* ‘слушай, о, падишах удела’.²

Форма генитива на *-i*, *-u* обычна при местоимениях личных, указательных, вопросительных: *булар бізі кішіміз турур* (10, 6) ‘они являются нашими людьми’; *буларі бәләсіндін кўзәзіл* (129, 36) ‘спаси от напасти их’; *анларі ара* (2, 9) ‘среди них’; *анларі қиссасині ајді* (9⁶, 18) ‘поведал повесть их’; *кімну оқласан* (9⁶, 14) ‘кого (чей) сын ты’ и т. д.

Однако форма генитива *-i*, *-u* свойственна в ряде случаев не только местоимениям, но и существительным: *ол елі ешларі барқларі...* (9⁶, 10) ‘дома и строения того города’; *бу һисарі ікі улў қапусі бар ерді* (132, 17) ‘у этой крепости было двое огромных ворот’; *балтан көтүрүб бурханларі улўғині еғні өзә қојді* (38, 27) ‘подняв топор, положил на плечо наибольшего (из) идолов’ и т. д.

Аффикс генитива *-i*, известный в языке орхонской письменности (NF, 61), употребителен, обычно при местоимениях, у Махмуда Кашгарского (I, 367, 15; III, 16, 9), в „Кутадгу-билиг“ (Т, 100, 2), у Рбг (RS, 140, § 12). В „Кутадгу-билиг“ интересны разночтения в списках, напр.: *улў кўндә көркіт оларің јўзін* (Т, 15, 3) ‘в великий день покажи лицо их’, по В, соответственно, *оларны* (KB, II, 24) и т. д., что указывает на различное диалектальное происхождение форм генитива. Противопоставление *-ni* как

Рбг II — С. Е. Малов. Мусульманские сказания о пророках по Рабгузи, ЭКВ, V, Л., 1930, стр. 507—525.

RS — Jakob Schinkewitsch. Rabuzis Syntax Mittell. d. Seminars f. Orient. Sprachen, II Abt. Westasiat. Studien, Berlin, 1926, стр. 130—172.

PC — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.

Uig — F. W. K. Müller. Uigurica, I—III. Berlin, 1908—1924.

¹ W. Bang u. G. R. Rachmati. Die Legende von Oghuz-Qaghan. Berlin, 1932, стр. 8, 55 и сл.

² В. В. Бартольд. Улутбек и его время. П., 1918, стр. 70, прим. 4.

„восточной“ и *-iʒ* как „юго-западной“ или „огузской“ формы (АФ, XLIX) правомерно лишь в отношении живых тюркских языков, исторически обе формы тесно переплетаются.

Значение генитива: указание на принадлежность предмета предмету, часть целого с обязательным посессивным аффиксом 3-го л. при существительном, отнесенном к генитиву. В отдельных случаях такого рода отношение выражается „родительным неопределенным“ и при именах собственных: *муса саи* (19⁶, 1) ‘речь Моисея’, *муса анаси унамади* (там же) ‘мать Моисея не согласилась’ и т. д., как у Рабгузи (RS, 142, § 16).

Случай: *бу тајак кішіні аманат туруп* (28⁶, 23), кажется, — единственный. Инверсия на первый взгляд обусловлена буквальным переводом, напр.: *ол кім кемі ерді бір чијај зафнің* (6⁶, 7) ‘тот, кого была лодка, одного бедняка’ (= перевод ар. *амма ас-сафинату факанат лимасакіна*). Но у Рбг: *ол кәмі он қаріндашің ерді* (RS, 140, § 13) ‘та лодка была десяти братьев’; или: *бу қйң қадікі теуәнің туруп* (Рбг I, 292, 20) ‘в этот день была очередь верблюдицы’ и т. п., что допускает инверсию на почве логического выделения существительного, отнесенного к генитиву.

§ 2. Винительный падеж (Accusativ) на *-ni* и *-n* при посессивном аффиксе 3 л.

а) *қорқитғіл қадашларіңні јак-јашукіңні* (28, 30) ‘устраши твоих родных и близких’; *қажусің қоліні қажусіңні бүтінді сіндурді* (38, 27) ‘у некоторых руки, у некоторых ноги сломал’; *ол кіјткні қодуб ешінкә келді* (27⁶, 20) ‘оставив того кийика пришел, в дом свой’.

б) *анларің елкін адақін бічтурді* (31, 1) ‘отрубил их руки и ноги’; *јіб бірлә бағладі елін ајақін* (139⁶, 15) ‘веревкой связал их руки и ноги’; *бурнін қулақін кесділәр тақі көзін ојділар* (139⁶, 22) ‘нос и уши его отрезали и глаза выкололи’ и т. д.

Обе формы аккузатива известны в памятниках XI—XIV вв.: *сөзін кесті оғлін кучуб јіғладі* (KB, T, 119, 3) ‘речь свою прервал сына своего обнял и заплакал’; *бір адақін кесділәр* (Рбг I, 283, 12) ‘одну ногу его отрубили’ (ср. RS, 151 и сл.).

Случаи необычности падежа объекта: *мәлік үч төрт баш кішіні білә іді* (9⁶, 21) ‘правитель послал (с ним) три-четыре человека’; *қарінларіні нима ачті* (9⁶, 5) ‘так же проголодались они’. Случаи замещения родительного и винительного известны в старых памятниках, в частности, винительный при *білә* ~ *бірлә* (RS, 143). Ср. еще „винительный времени“ у Рбг: *қірк. јіліні абһарқа хизмат қілдім* (Рбг I, 286, 15) ‘сорок лет я служил Абхару’ (по А, там же, прим. 25, винительный опущен).

§ 3. Формы дательного-направительного падежа в „тефсире“ показательны для эпохи памятника: *-ға, -гә, -қа, -кә*, после посессивного аффикса 1 л. часто *(-м) а*, после посессивного аффикса 3 л. *-(і)на*; в отдельных случаях аффикс датива *-а*, при местоимениях: *-гәр*.

Аффикс *-ға (-гә, -қа, -кә)* чередуется в зависимости от вокализма основ, но далеко не регулярно, напр.: *тіфу абуллаһқә буллаһнің дінікә малінкә каласінкә* (28⁶, 5) ‘тыфу Абульхабу, вере Абульхаба, его имуществу и скоту его’ *адақларінкә тікән кірјр ерді* (28⁶, 8) ‘в ноги их попали занозы’ и т. д.

Независимо от конечного звука основы, аффикс дательного-направительного падежа в „тефсире“ преимущественно с глухим *к* (и *-к*, следовательно), как это имеет место и у Махмуда Кашгарского и в ташкентском и каирском списках „Кутадгу-билиг“. Отметим ряд таких случаев в „тефсире“: *дарјақ кірділәр* (31⁶, 2) ‘вошли в реку’; *ол ашрат јазіқә баріб тікән*

јудуб келтјўрр ерді (28⁶, 7) 'та женщина ходила в поле, вырывала и приносила колючки'; *хејл хашіміқа фарманладі* (129⁶, 9) 'приказал всему множеству'; *бојун беріңләр мәнім фарманіміқа* (23⁶, 7) 'повинуйтесь моему приказу' и т. д.

Исключений отсюда очень много, и после конечных гласных и звонких часто -ға (и -гә, соответственно), напр. *ујк.у салманға ғалаба к.ілді* (47, 8) 'сон одолел Салмана'; *бојун сунуң мәнім бујрук.іміқа* (93⁶, 2) 'повинуйтесь моему приказу' и даже *урушға* (28, 1) 'на войну' и т. д.

Сохранилась в языке „тефсира“ также редкая в древней орхонской письменности форма -і-на, -сі-на, после поссесивного аффикса 3 л. Форма эта отмечена еще и у Махмуда Кашгарского и в языке Рбг¹ и употребительна наряду с обычной на -ін-ға (-ін-гә), разницы в значении этих форм нет: *турді еwіна барді* (65⁶, 5) 'встал, пошел в дом свой'; *бір падишаһ бар ерді бір кјн вазіріна ајтді* (65⁶, 4) 'был один падишах, однажды сказал он своему везиру'; *темјўрні еліңа ајак.іна бој.ніна урді* (139⁶, 16) 'наложил железо (оковы) на руки, ноги и шеи их' и т. д. (ср. RS, 151, § 31).

В одном лишь, кажется, случае датив на -а: *к.олі бір јана барғај буті бір јана барғај баші бір јана барғај* (101⁶, 9) 'руки их попадут в одну сторону, ноги в одну сторону, головы в одну сторону'.

Также редок датив (-м)-а, после поссесивного аффикса 1 л.: *ортак. қатмадім ерсә ідімә* (4, 3) 'если я не присоединял соучастников моему владыке' и т. д. Эта форма датива известна в языке орхонских надписей, у Махмуда Кашгарского (RS, 150, § 31), в „Кутадгу-билиг“ (KB, Т, 90, 3) и в языке более поздних авторов Лютфи, Навои, Бабура.

Датив от местоимений сән 'ты', ол 'он' часто на -кәр (-гәр): *ајді анқар* (3⁶, 6) 'сказал ему', *анда адінк.і не анқар јануті берғәјміз анқар* (33, 8) 'другой какой ответ ему дадим мы ему'; *сәнқәр (=саңар) бердім* (18, 27) 'тебе дал' и т. д.

Такого рода форма у Махмуда Кашгарского (III, 64, 3), в „Кутадгу-билиг“ от местоимений мән, сән, ол: *нәлјк к.ілдің емді мәнкәр (=маңар) сән джафа* (KB, Т 119, 4) 'зачем ты сделал мне ныне мученье'; *сәнқәр (=саңар В, К, сәңә) берді қ.ут...* (KB, Т, 101, 9) 'тебе дал счастье'; *мені тутті ол ік анқар (=аңар) јок. оті* 'схватила меня та болезнь, нет ей снадобья' и т. д.

§ 4. Местный падеж (Locativ) на -да, -дә: *еwі барк.і бајтул-муқад-дасда ерді* (39, 16) 'дом его был в Ерусалиме'; *мәдінәдә кенді орніна халіфа к.ілді* (125, 6) 'в Медине на свое место оставил наместником'; *ол тікәнләрні мәзк.іт јол.інда кәмішур ерді* (28⁶, 7) 'те колючки (она) бросала на дороге в мечеть'; *ол бустанлар іч.індә һур болур* (61, 1) 'в тех садах будут гурии'; *јарім кјндә јүр.іділәр* (31, 26) 'шли половину дня'; и т. д.

Особо следует оговорить случаи местн. п. при глаголах движения, случаи, допускающие возможность смешения функций датива и локатива: *дарја ортас.інда текділәр* (31⁶, 2) 'достигли середины реки'; *браһіміні зінданда беркләтді* (38⁶, 11) 'заставил запереть Ибрагима в темнице'; *ол улусниң баш.інда тјүш.іділәр* (11, 17) 'спустились к началу того селения' и т. д.

§ 5. Очень разнообразны в „тефсире“ формы исходного падежа, что также характерно для языка памятников XI—XIV вв. Исходный падеж (Ablativ) на -дін, -да, даң (-дан).

¹ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. М.—Л., 1936, стр. 22.

а) *ујк.удін ујаніб бак.ді* (68,7) 'проснувшись от сна, глянул'; *танук.лар-дін мән* (34⁶,9) 'я из свидетелей'; *міз јілдин елік јіл* (108,14) 'из 1000 лет 50 лет'; *к.уланлар кәбі қачтї арсландін ја ок.дін* (118⁶,7) 'бежали как куланы от льва или стрелы' и т. д.

б) *анларда бурун* (25⁶,19) 'прежде их (тех)'; *сіз болмасда оң* 'до того как вы были'; *бу ікідә қажусі һак. турур* (129, 11) 'кто прав из этих двоих'; *јч јјз јілда кедін* (9⁶,35) 'через триста лет'. Обе формы замещают одна другую: *келмәздін оң* (90,14), *келмәздә оң* (92, 1) 'до прихода и т. д.

в) Сплошь и рядом аффикс *-да* снабжается „тенвином фатхи“, указывающим на нозализацию конечного *а*: *мунда* (مرنداً) *бурун* (31⁶,7) 'прежде этого'; *кун батмасда* (بنماسدا) (26,2) 'до захода солнца'; *анларда* (انلاردا) *сізкә асіғларі ја зјанларі барму* (38,7) 'если вам от них польза или вред' и т. д.

Впрочем, иногда появляется и *-дан*: *оңдунқідан* (اونکر و نلیران) *артјук.рак.* (146,11) 'сверх прежнего'; *омардан* (عمردان) *јашру мусулман бол-мїшлар ердїлар* (26⁶,11) 'тайно от Омара они были мусульманами' и т. д.

Аналогичные формы аблатива мы находим у Махмуда Кашгарского, в „Кутадгу-билиг“ и у Рбг (NF, 64; RS, 160, § 46 и сл.).

В языке древней орхонской письменности местн. п., за одним исключением (*к.андан* ~ *к.андін*), выполнял функции и исх. п. (NF, 64). Казалось бы, такого рода функции локатива продолжали сохраняться и в дальнейшем, уже при наличии аблатива на *-дін, дан*.

Интересно, что все эти формы смешиваются, напр., в разных списках „Кутадгу-билиг“ — Т: *атада анада* (= К: *اتاداً اناداً*; В: *ададын анадын*) *бағрсақ болуб* (Т, 15,12) 'от отца и от матери пользуясь состраданием'; Т: *башінда* (= К: *باشندا*; В, *пашындын*) *кечјүрмїш бу көкчін сақ.ал* (Т, 58,11) и т. д.; или в различных списках „Сказаний“ Рабгузи: *бічак.ні исма'л боғузінка урмасда* (по KLM — *урмасдін*) *бурун* (Рбг II, 513,6) 'до того как ударил ножом шею Исмаила' и т. д.

С другой стороны, манера писать аффикс аблатива *-да, -дә* с „тенвином фатхи“ известна в словаре Махмуда Кашгарского, напр. *білмїш јәк*

білмәдік кішідә (کشیداً) *јік* (III, 120) 'знакомый дьявол лучше незнакомого человека'. В каирском списке „Кутадгу-билиг“, в „Кысса-и-Юсуф“, конечное *н* после *а* часто изображается с „тенвином фатхи“, напр.: КВ, Т: *некјутек болурса* (= К: *بولورسا*; В, *полурсән*) *мениңдә* (= К: *مينكدین* В *мәніңдін*) *кедін* (КВ, Т, 99,10) 'как ты будешь после меня'; *табуғчі қулуғ ма* (= К: *ما*; В *мән*) *бекім сә* (К: *سا*; В: *сән*) *улуғ* (КВ, Т, 125,8) 'я слуга и раб твой, ты мой великий бек' и т. д., или в „Кысса-и-Юсуф“: *к.ојнімдан кірјуба* (کیروبا) *јақ.амда* (باقامدا) *чік.ді* 'через пазуху вошла, через вóрот вышла' и т. д.

Таким образом, перед нами может быть различная орфографическая традиция? Морфологически же аблатив знает лишь две диалектальные формы *-дін* || *-дан*. Вернее, разумеется, развитие аблатива на почве лока-

тива. Аффиксу аблатива при местоимениях личных факультативно предшествует род. п.: *sānıñdın* (12⁶, 1) 'от тебя', *biziñdın kaçtıñ* (30, 10) 'ты убежал от нас', *siziñdā kedın* (39⁶, 13) 'после вас'; *anıñda adın* (1⁶, 1) ~ *анда adın* (1⁶, 2) 'кроме него' и т. д. Такого рода явление имеет место в „Кутадгу-билиг“, у Рабгузи.

Принципиальное значение для характеристики языка „тефсира“ имеет факт наличия „вставочного“ *н* при локативных падежах после основ с посесивным аффиксом 3 л. *iñıka* (129⁶, 9) 'внутри', *jolında* (28⁶, 7) 'на пути', *ağızlarındın* (1, 1) 'из рта их' и т. д. Это морфологическая особенность памятников до эпохи Навои, когда закрепилось склонение локативных падежей без „вставочного *н*“.

§ 6. Древняя форма „направительного“ падежа — аллатива на *-ğaru, -iärj* (NF, 65) сохранилась в языке „тефсира“ как категория морфологически ясная не только в онэреченных: *ilärij* ~ *ilärij* 'прежде', 'вперед', *ташқару* 'наружу', 'вне', *jok'aru* 'вверх', 'вверху' (RS, 172, § 69), но и в других образованиях. Напр: *кајдурлар арнқару* (?) *андін соң* (43, 4) 'возвращаются обратно после того'; *äär jaru bersä anlar kaçтурлар артқару* (82, 11) 'если окажет помощь, они вернутся обратно'; *кајғару бару сізлар* (9, 14) 'куда вы идете'; *елкіні... от табару елтмі* (29⁶, 3) 'руку свою... протянул к огню'; *ікәјүн баріңлар фар'ун табару* (29⁶, 13) 'вдвоем отправляйтесь к фараону'; ср. *імладі анлар таба* (12, 5) 'дал знак им'; *тағ табасінка чикді* (146, 22) 'вышел к горе' и т. д.¹ *anıñ içrā künğärij* *қалмағасан* (25, 8) 'не оставайся среди них до позднего утра' и т. д.

§ 7. Древний орудивный падеж (Instrumentalis) на *-in* (NF, 63) встречается в „тефсире“ эпизодически, как это имеет место и у Махмуда Кашгарского, в „Кутадгу-билиг“ и у Рбг (RS, 170, § 64 и сл.). Значение орудивности является основным: *бір көз тез елкін алб ағзінқа урді тілі күүді үнүн јилadı* (29⁶, 3) 'один уголек взял руками и бросил в рот себе, язык его обжегся, заплакал он голосом'; *äär білсәләр сәні ташін өлдүрәјләр* (9⁶, 8) 'если тебя узнают, побьют камнями'; *anı көзін көрән барму* (38⁶, 2) 'есть ли видевший его глазами?' *фасіһ тілін джаваб берді* (18, 34) 'ответил чистым языком'; *түнлә адақін турді* (26⁶, 27) 'ночью стоял на ногах' (RS, 170, § 64).²

Возможно несколько более отвлеченное обстоятельственное значение

өзсізјүн (6⁶, 1) 'без себя', ар. *بغير نفس* и т. д.; *анлар кім бу сөзні сөзләрләр біліксізлікін сөзләрләр* (9, 11) 'те, которые говорят эти слова, говорят по неведению' и т. д. Особенно последний случай допускает предположение об общности происхождения винит. п. объекта и орудивн. п. на *-in -н* (ср. NF, 83).

§ 8. В. В. Радлов отметил единственный в языке орхонских надписей случай образования с аффиксом *-ла* — это послелог *бірлә* 'вместе, с' (NF, 84). Обычный и в языке нашего „тефсира“ послелог *бірлә* (= *білә, бірлән*, 137, 15) в массе служит для выражения комитативности: *калді... сүсі бірлә ја'ні ләшкәрі бірлә* (22⁶, 10) 'пришел... с войском своим', т. е. 'с войсками' и т. д. В одном случае *білә* не в служебном значении, видимо, будучи логически акцентированным: *мәлік үч төрт баш кішіні білә ідді* (9⁶, 21) 'правитель три-четыре человека вместе (заодно?) послал' и т. д.

¹ Ср.: K. Brockelmann. Miteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kāšgaris divan lugāt at turk. Leipzig, 1928, стр. 190—191.

² Ср. еще *көзјүн, кулқакын* (W. Radloff. Chuastuanit, стр. 42, прим. 101); *качјкин, чавышын* (там же, стр. 44, прим. 75).

Наряду с этим, *бірлă* образует словосочетания с орудивным значением: *фасіһ тил бірлă сۆзләді* (27⁶, 19) 'заговорил чистым языком';¹ *ол мәз-итни таш бірлă қобарділар* (39, 18) 'ту мечеть возвели из камня (= букв. 'с камнем') и т. д. Словосочетания с *бірлă* легко превращаются в сложные по составу наречия: *көнілік бірлă* (32⁶, 6) 'правдиво'; *чун кечă бірлă јатділар ол қасд бірлă кім ертă бірлă балчук кетјүрјәләр* (100⁶, 8) 'ночью легли с тем умыслом, чтобы утром принести глину' и т. д.

Здесь функция послелого *бірлă* совмещается с грамматической функцией орудивн. п., как и в других памятниках XI—XIV вв., ср., напр.: *қажу тјүрлјүјн ма тилін сۆзләсә* (КВ, 96, 21) 'о, если бы он говорил языком по-разному (= на разных языках); *кјүнјн јемәді көр* (= В: *аш*) *тјүнјн јатмаді* (КВ, Т, 15, 9) 'днем не ел, гляди, (= В: 'еду') 'ночью не спал' и т. д.

Послеложная конструкция с течением времени становилась преобладающей.

§ 9. Значение орудивного п. аффикс *-ла* имеет еще в случае *тјүнлă* 'ночью', параллельно *тјүнүн* и *кечă бірлă*; напр. *јч тјүнлă кјүндјз* (12, 4) 'три ночи и дня'; *тјүнлă кјүндјз* (32⁶, 9) 'ночью и днем'; и т. д. Как у Р6г: *тјүнлă келіб саліһ кабуғіндін кечәр болуб...* (Р6г I, 294, 4) 'придя ночью и проходя мимо дверей Салиха'; *тјүнлă бу ешқа келјүр ерді* (Р6г I, 289, 18) 'ночью являлись в этот дом' и т. д. Выражение *тјүнлă кјүндјз* у Р6г в форме орудивн. п.: *тјүн кјүндјзін* (Р6г I, 283, 8; RS, 171, § 65). В одном случае в „тефсире“ появляется на почве контаминации аффикса *-ла* и послеложной конструкции с *бірлă* форма *тјүнлă бірлă* 'ночью': *бір мән-зілă тјүнлă бірлă јеттіләр* (132⁶, 28) 'на одну стоянку прибыли ночью' и т. д.

Видимо, следует морфологически различать случаи с *-ла* (*-лă* *-ле*, *-іле*) и случаи с послелогом *бірлă* как два параллельные явления.²

§ 10. Аффиксы, образующие орудивное значение *-ін* и *-ла*, подводят нас к словообразованию наречий: *азін* = *азін* 'понемногу'; *јолсізін* 'бездорожеством'; *біліксізлікін* 'по незнанию'; *ојін* 'вперед; впереди'; *қатла* (= *қата* 112, 19) 'раз'; *қорла* 'раз'; *өзәлă* 'поверху', 'сверху'.

Примеры: а) *азін азін... јеттурді* (139, 7) 'понемногу... подвел'; *јол јәңіліб јолсізін барділар* (29, 1) 'сбившись с пути, пошли по бездорожью'; *ішні біліб му қилді ја азура біліксізлікін му қилді* (29, 37) 'сделал ли дело ведая или заблуждаясь, по незнанию сделал'; *ол кішіләр барча өјін болмیشлар* (XVIII) 'те люди были впереди всех'; *өјін өјін јолға кірділәр* (31, 35) 'каждый впереди, — двинулись в путь' и т. д.

б) *бір урмақға миң қатла урғил* (145, 27) 'за один удар ударь тысячу раз'; *муні ікі қорла ајтді* (137⁶, 11) 'дважды сказал это';³ *һеч өлјүк суш алтінда қалмас суш өзәлă келјүр* (31⁶, 17) 'никогда труп (утопленника) не остается под водой, идет (плывет) по поверхности воды' и т. д.

§ 11. Редкий в памятниках древне-орхонской письменности „... род парного аффикса, который присоединяется к двум рядом стоящим словам и указывает на общность обоих слов“ (NF, 52), — именно аффикс *-лі... лі*, известный и в древне-уйгурской традиции,⁴ в языке „тефсира“ упо-

¹ Ср. выше *фасіһ тилін джаһаб берді*.

² Ср. *тјүнлă кјүнтіс* (W. Radloff. Kuan-ši-im Pusar. Bibl. Budd. XV, СПб., 1911, стр. 30, прим. 10).

³ Ср. *јч курлају* (Он же, *Tiśastvustik*, стр. 65, прим. к 46а, 3).

⁴ W. Radloff. Kuan-ši-im Pusar. Bibl. Budd. XV, СПб., 1911, стр. 51.

требуется довольно часто для выражения сопричастности, применительно к некоторым разрядам имен.

Выделяются при этом следующие группы имен с аффиксом *-li... li*: а) *tūnli-kūnli* 'ночь и день', *kūnli-tūnli* 'день и ночь' (ср. NF 52); б) *mānli-sānli ara* 'между мною и тобою'; *mānli-anli-aramizda* 'между мною и им'; *bizli anlarli ara* 'между нами и ими'; *sizlarli olarli ara* 'между вами и ими' и т. д.; в) *mākkāli taiḥli ara* 'между Меккой и Тайфой', аналогично у Рбг: *šamlī ḥidžazlī arasinda* (Рбг I, 283, 19) 'между Сирией и Хиджазом'; *izli ja'kubli ara* (Рбг II, 519, 5) 'между Исавом и Якубом'¹ и т. д.

Примеры: а) *bīr tūnli kūnli bīr unkur ičindā jatdimiz* (9⁶, 18) 'ночь и день мы спали в одной пещере'; *ibrahīm jeti tūnli kūnli ol bustan ičindā qaḏli* (38⁶, 34) 'Ибрахим семь ночей и дней оставался в том саду'; *musa jalawach iki kūnli tūnli jūrimish jolnī, far'un sūsi bīrlā jarim kūndā jūridilār* (31, 26) 'путь, который прошел посланник Моисей в два дня и две ночи, фараон с войском прошли в пол дня' и т. д.

б) *aḏi uzilmaqlik, turur mānli sānli ara* (11, 28) 'сказал: пререкание было между мною и тобою'; *mānli sānli ara* (6⁶, 6) 'между мною и тобою' (= перевод араб. *بَيْنِي وَبَيْنَكَ*); *mānli anli aramizda bīr hanlak, bolḏi ot janir* (138⁶, 16) 'между мною и ими появился ров с пылающим огнем'; *bizli anlarli ara* (7⁶, 8) 'между нами и ими' (= перевод ар. *بَيْنَنَا وَبَيْنَهُمْ*); *sizlarli olarli ara* (7⁶, 9) 'между вами и ими' (= перевод ар. *بَيْنَكُمْ وَبَيْنَهُمْ*) и т. д.

в) *jatdi džansiz mākkāli taiḥli ara* (16⁶, 21) 'лежал бездушный между Меккой и Тайфой' и т. д.

Следует отметить, что аффикс *-li* может быть и единичным: *anlarli ara* (5, 1) 'среди них' (= ар. *بَيْنَهُمْ*); *tāzkinūrḷār tamuz otī ka jnar suwli arasinda* (66, 17) 'закружатся между кипящей водой и огнем адовым'; *biziḥ ara sānli ara* (21⁶, 3) 'между нами и тобой'; *biz jaratduk, sizni ārkāklī mišidīn* (47⁶, 5) 'мы создали вас мужчин и женщин' и т. д. Выражение *bāḡli budunlyḡ* в древне-орхонской письменности В. В. Радлов предлагал исправить на *bāḡli budunly* (NF, 52), но здесь, видимо, другой аффикс, как в „тефсире“: *jerli jeriḡizka iḡli iḡiḡizkā bu āmr mubaḥ turur* (89, 13).

Значение аффикса *-li... li* не ограничивается, как мы видели выше, понятием общности двух смежных или противопоставляемых предметов. Синтаксически аффикс *-li... li* возможен в функции обстоятельства ('*tūnli kūnli* 'ночь и день, на протяжении ночи и дня') и приименного дополнения (*mānli sānli ara* 'на протяжении между мной и тобой', откуда р.д. п. *biziḥ ara sānli ara*), прямого объекта, как по КВ: *кудратлиḡ падишаḥ jerli kōklī jaratšan* 'сильный царь землю и небо сотворивший', причем так по К и Т, а по В: *jerli kōklī* (КВ, 2, 3), т. е. аффикс *-li* замещен вин. п., то же по „Китаби-Коркуд“: *akli karali saḡilan чаḡда* (II, 175, 14) 'когда стали различать белое от черного (?)' и т. д.

¹ Ср. *tām,riḡli kiḡilī* (W. Radloff. Kuan-šit-Im Pusar, стр. 57, прим. 117).

§ 12. Частица отрицания при именах *дәкүл* ~ *тәкүл*, по Махмуду Кашгарскому, слово огузское,¹ но не чуждое вовсе „восточной“ традиции (РС, III, 1659; АФ, 026).

Примеры: *һақа андаҕ дәкүл* (125, 13) 'поистине, не так'; *раһа дәкүл рәһа болмаз* (71, 8) 'неприличный, не является приличным'; *мундін иләрйү андаҕ тәкүл ерді* (134⁶, 1) 'прежде так не было' и т. д.

§ 13. Словообразование существительных в „тефсире“ в основных чертах в диалектальном отношении неоднородно.

а) Имя действующего лица на *-чи* (= *джи*?): *јагічи* (20, 5) 'попашник', 'везир' *ішчи*, *балчікчи*, *сәһаҕчи* (132⁶, 12) 'работники, месильщики глины, штукатуры'; *табуқчи* (56⁶, 12) 'слуга'; *тіләңчи* 'попрошайка', 'нищий'; *алдаҕчи* (74⁶, 9) 'обманщик' и т. д.

б) Группа существительных образуется от глагольных основ с помощью аффикса *-(у)ҕ*, *-(у)к*; *-(і)ҕ*, *-(і)к*, напр.: *к.онук* (29⁶, 31) 'ночлег'; *к.орк.уҕ* (80, 1) 'страх'; *узук* (74, 12) 'срок' и т. д.

Таким образом, имена на *-ҕ* и *к* не различаются здесь, как и в орхонской письменности (NF, 56) по значению, — существительные и прилагательные могут иметь конечные *-ҕ* и *-к*; *асіҕ* (38, 7) 'польза'; *суруҕ* (118, 10) 'допрос', 'распрос'; *тутуҕ* (118, 6) 'заложник'; *јумшак* (69, 7) 'мягкий', 'гладкий'; *ајрук* (55, 19) 'другой', 'отдельный' и т. д.

в) В морфологии языка древней письменности различались аффиксы образования отвлеченных существительных на *-лік*, *-(лік)* и прилагательных на *-ліҕ* (*-ліг*). В „тефсире“ сохраняется такого рода различие словообразующих значений этих аффиксов, но для аффикса *-лік*, *-(лік)* свойственны некоторые исключения. Аффикс *-лік*, *-(лік)* образует отвлеченные существительные от существительных же, отглагольных, в том числе: *танук.лук* (145, 2) 'свидетельство', *алплік* (26⁶, 8) 'богатство' и т. д.; от прилагательных: *јашузлук* (107, 1) 'злорада'; *адғунлік* (88, 17) 'заблуждение'; *қатіҕлік* (137⁶, 10) 'нужда'; *асанлік* (там же) 'облегчение', 'легкость'; *тарлік* (39, 19) 'нужда', 'голод'; *улузлук*, *қарілік*, *қурілік* (12, 12) 'зрелый возраст', 'старость'; *азмақлік* (110⁶, 1) 'заблуждение' и т. д.

От производных прилагательных на *-сіз* и *ліҕ* также образуются отвлеченные существительные: *јолсузлік* (15⁶, 1) 'заблуждение'; *ачлузлук* (2⁶, 3) 'зеркало' (?); числительного *бір* 'один': *бірлік* (146, 27) 'единство' и т. д.

г) Наряду с образованием отвлеченных существительных от имен действующего лица на *-чи*, напр.: *қ.ојчілік* (28⁶, 16) 'занятие пастушеством', 'пастыбой овец'; *јалғанчілік* (21⁶, 2) 'чародейство'; *тотчілік* (29, 28) 'кочевничество' и пр., вполне обособился сложный аффикс *-чілік*, напр. *міјанчілік* (27⁶, 30) 'посредничество', 'заступничество' (< перс. *міјан* 'середина') и т. д.

д) Исключение все же составляют немногочисленные, правда, случаи образования прилагательных с аффиксом *-лік*: *түз бојлук* (12, 10) 'статный'; *қ.адғулук* (146, 26) 'опечаленный'; *уштімаһлік* (55⁶, 5) 'райский', *тамублук* (там же) 'адский'; *азіҕлік* (142⁶, 10) 'клыкастый'; *алтмиш јілік* (67⁶, 3) 'шестидесятилетний' и т. д.

§ 14. Прилагательные, производные от существительных, в значении 'обладающий... заключенным в основе', в массе на *-ліҕ*: *таһарліҕ* ~ *малліҕ* 'богатый', 'обладающий имуществом'; *қ.утліҕ* 'счастливый'; *татлуҕ*, 'вкусный', 'сладкий'; *қ.ісқа бојлуҕ* 'низкорослый' и т. д. Напр.: *мән оқуш-рай таһарліҕ малліҕрақ*, *мән сәңдін* (3⁶, 4) 'я более тебя богат (обла-

¹ G. Brockelmann, ук. соч., стр. 201.

даю) товарами и имуществом; *кутлиғ орун ермиш* (39, 22) 'счастливое место, будто'; *яшил кушлар шў сариғ бурунлуғ ерди* (112⁶, 9) 'зеленые птицы были с желтыми носами'; *бірі татлуғ бірі ачіғ* (65, 1) 'одно (из них) сладкое, другое горькое'; *елкіндә саһифә тутарсан тамғалиғ* (39⁶, 16) 'в руках ты держишь лист с письменами' и т. д.

По аналогии с *-лік* *||* *-лиғ* можно предположить противопоставление *-лік* *||* *лиғ* с более или менее устойчивой группой производных прилагательных на *-лиғ*: *йўрәклиғ* (26⁶, 7) 'храбрый', 'обладающий сердцем'; *чечәклиғ* (38⁶, 36) 'в цветах', 'с цветами'; *етлиғ тәнлиғ* (32, 8) 'телесные', 'обладающие телом'; *мәдинә еллиғ* (20⁶, 5) 'Мединцы, жители города Медины'; *раһим көңүллиғ* (138, 20) 'добросердечный'; *өфкәлиғ* (89⁶, 9) 'сердитый' и т. д.

§ 15. Наряду с этим в „тефсире“ имеется аффикс образования прилагательных *-ли* (*-лу*), из иной уже диалектальной среды: *көзли* (98, 15) 'зоркий', 'имеющий глаза'; *фарси тилли* (88⁶, 2) 'персоязычный'; *көзләри сурмалу*... *өтүз үч яшлу* (69⁶, 1) 'глаза их сурьмеленые... тридцатитрехлетние'; *будакли* (66⁶, 7) 'ветвистый'; *қиматлу* (67⁶, 8) 'дорогой'; *қатиг қөңүллу* (45⁶, 7) 'жестокосердный'; *жетмиш қанатлу* (68⁶, 13) 'с семьюдесятью крыльями' и т. д.

Аффикс прилагательных производных с тем же, но отрицательным значением на *-сиз* (*-суз*): *орунсуз* (14, 2) 'несчастный', букв. 'не имеющий места'; *қаршиғсиз* (14, 5) 'покорный, не противоречащий'; *уманчсиз* (21⁶, 7) 'безнадежный' и т. д.

§ 16. Относительные прилагательные на *-кли*, *-ки*, как обычно, от имен, выражают понятие времени или места: *ашалкли* (129, 1) 'прежний' *өңкәләр такі соққилар* (73, 7) 'первые и последние'; *анларда кезинки* (33, 6) 'последующие'; *анда адинки* 'другие'; *жер алтинки* (19, 15) 'подземный'; *өңинки* (68, 19) 'прежний', *узакли* (29, 23) 'прежний'; *ашнукли* (129, 25) 'прежний' и пр.

Образование прилагательных на *-кли*, *-ки* двояко: от основ существительных в имен. п., и от тех же основ с поссессивным аффиксом 3 л. и „вставочным н“, напр.: *жер алтинки* 'подземный' и пр., откуда различные формы: *өңки* и *өңинки* 'прежний' и т. д.; *елки* (37, 10) при *елк* (73⁶, 4) 'прежний', 'ранний', 'прежде' — являются продуктом морфологической контаминации: *елк* + *и* × *ел* + *ки*.

Также двоякого вида формы на *-кли* *-ки* с местным падежом имен: а) без поссессивного аффикса, и б) с поссессивным аффиксом: *сағ қолдакли*... *сол қолдакли* (140⁶, 15) 'по-правую руку... по-левую руку (находящиеся)'; *сағиндакли* (50, 21) 'по-правую (сторону его находящиеся)'; *өңиндакли* (30, 17) 'находящиеся перед ним'; *қатиндакли* (30, 16) 'находящиеся при нем, рядом'; *жер көк арасиндакли* (30, 14) 'находящиеся между небом и землей' и т. д.

Прилагательные такого рода легко переходят в разряд существительных, по значению.

§ 17. Форма „сравнительной степени“ в „тефсире“ на *-рак*-, *-рәк* имеет ближайшее отношение: а) к прилагательным и наречиям, по значению, б) к причастиям и в) существительным.

Аффикс *-рак*-, *-рәк* не находится в связи с категорией собственно „сравнительной“ степени качества, а меняется в зависимости от основы, напр.: *йікрәк*... *әдәйрәк* (4, 9) 'более хороший... лучший'; *јакінрак* (52⁶, 8) 'ближе'; *јакінрак* *тіріклик ічіндә* (8, 10) 'в этой (ближайшей) жизни'

(= ар. فی الحیوة الدنیا); *қардін акрак*, *балдін татліграк*, *зәбдін јумшакрак* (66⁶, 14) 'белее снега, слаще меда, мягче масла'; *өңәйрәк*

барді (46⁶, 2) 'ехал (несколько) впереди'; *јарлікаґлірак сән* (36, 12) 'ты наиболее милостивый'; *білдіңрәк* (99, 5) 'более знающ'; *јікрәк кеч қалған-рак, турур* или *кечрәк қалғанрак*, (22⁶, 1) 'более долговечный' (=ар.

أَبْنَى); *душманрак*, (28, 15) 'наиболее враждебный'; *алімрак*, (10, 19) 'более ученый' и т. п. От производных прилагательных формы на *-рак*, *-рәк* довольно обычны (Рбг I, 295, 11);¹ от существительных реже (Рбг I, 288).

В. Банг полагал форму на *-рак*, *-рак* необычной в адъективной функции, но в 'тефсире', в частности, формы на *-рак*, *-рак* обычны в роли определений: *бу елдә кеч ким ерсә мәлікдін көркәлүгрәк јүзлүг барму* (38, 12) 'есть-ли кто-нибудь в этой стране более прекраснотерпимый, нежели правитель'; *қузірак тірікліккә* (41⁶, 2) 'для последующей жизни' и т. д.

Встречаются в „тефсире“ также случаи редупликации прилагательных „интенсивной“ степени: *қаб қара* (127, 13) 'черный пречерный'; *түб түз* (24⁶, 4) 'ровный преровный' и т. п.²

§ 18. Группа наречий в „тефсире“ образована с помощью „направительного“ падежа *-ғару*, *-ғәріј*, сохранившегося в живых языках в составе некоторых наречий (NF, 65). В „тефсире“ круг наречий на *-ғару*, *-ғәріј*... несколько шире: *ташқару* (27, 17) 'наружу'; *јоқару қузі*... (28⁶, 22) 'вверх и вниз'; *иләріј* (142⁶, 10), или *иләріј* (51, 16) 'прежде'; как КК: *иләріј шарді* (IV, 4, 10) и т. д.; *артқару* (43, 4) 'обратно, вспять'; *оғарурак*, (46⁶, 2) 'более вперед'; *қағғару* (9, 14) 'куда' и т. д.

Самостоятельную группу составляют в „тефсире“ наречия на *-ру*, *-ріј*: *табару* (~ *таба*) 'по направлению', 'в сторону', 'к'; *утру* 'напротив', *тегріј* 'вплоть до' и пр. В древней орхонской письменности аффикс *-ру*, *-ріј* сохранял иногда значение „направительного“ падежа (NF, 84) — в „тефсире“ такая связь отсутствует: *фар ун табару* (29⁶, 13) 'к фар-ону'; *от табару* (29⁶, 3) 'к огню'; ср. *анлар таба* (12, 5) 'им', 'в их сторону'; *тағ табасінға* (146, 22) 'к горе'; *утру барділар* (6, 9) 'пошли навстречу'; *утрусінда* (27⁶, 18) 'перед (ним)'; *аталмیش шактқа тегріј* (40, 10) 'до названного времени' и т. д.

§ 19. Другой адвербиальный аффикс, заключающий указание на место (NF, 85); именно *-ра*, *-рә*, представлен в „тефсире“ группой отыменных наречий и послелогов: *тегрә* (3, 5) 'вокруг', ср. РС, III, 1038; *һаддін ташра* (138⁶, 14) 'сверх меры'; *андін ташра* (58, 2) 'кроме' 'сверх того'; *јзрә* (66⁶, 13) 'на'; ср. *ағач јзә* (96⁶, 3) 'на деревьях'; *соңра* (52, 12) 'вслед', 'потом'. Возможны случаи превращения в существительные по значению слов на *-ра*, *-рә*, напр.: *ол тегрәкі јерләр* (29, 4) 'те окрестные места'; *тегрәсін қаплағай* (146⁶, 19) 'покроет все вокруг него'; ср. *тамуғ јзәсіндін* (Рбг I, 287, 17) 'над поверхностью ада' и т. п.

Перечисленная группа наречий и послелогов известна в памятниках эпохи Навои и более позднего периода.

§ 20. Состав наречий не исчерпывается перечисленными выше случаями. Наречия образуются косвенными падежами (= исходным): *оңдін барур ерді* (27⁶, 1) 'шел впереди', ср. *оңрә*³ и т. д., с помощью аффикса *-лі*: *айшкәрә шә кілі* (108⁶, 3) 'явно и тайно' (ср. РС, II, 1391); поссесивного аффикса *3 л.* (?): *түгәлі* (69, 9) 'полностью', 'целиком' (ср. РС, III, 1537).

Большая группа наречий представлена онареченными деепричастиями: *јандура бермәсмән* (28⁶, 31) 'обратно не дам'; *јашру* (26⁶, 2) 'тайно'

¹ W. Bang und. G. R. Rachmati, ук. соч., стр. 6, 7, 8, 53 и т. д.

9 и пр.).

² C. Brockelmann, ук. соч., стр. 202.

³ W. Radloff, Chuastuanit, стр. 34, прим. 55.

āwra (10⁶, 36) 'снова, обратно', *ōtā* (9⁶, 33) 'спустя, через', *асра* (142⁶, 10) 'насквозь' и пр.; ср. *ōtkārū* (Рбг I, 293, 8) 'насквозь' и т. д.

Интересны с точки зрения образования деепричастий-наречий случаи *āwra* || *āwrañ*, напр., по KB: *некү берсә āwra* (= *ābrān*, K — *ewrañ*) *ани-ок, алур* (KB, T, 111, 14) 'что даст, обратно то же получит' и пр.; также *jašru* || *jašrun* 'скрытно, тайно' (РС, I, 250).

§ 21. Случаи образования: *тегрә* 'вокруг' || *тегрү* 'до' затрагивают еще один послелог все в значении 'до', 'вплоть до': *тегі* (= *текі*), *тегін* (= *текін*), *тегінч* (= *текінч*), *тегінчә* (= *текінчә*), *тегсүн* (= *тексүн*), напр.: *күн батарға теги* (146, 18) 'до захода солнца, до запада'; *бір жергә тегін* (133⁶, 1) 'до одного места'; *жеркүн астинға тегінч* (Сура, 69, 22), *көккә тегінчә* (68, 7) 'до небес'; ол *вак,тқа тегсүн...* (39⁶, 4) 'до того времени...' и т. д.; ср. *tāgrī*, *tāindžā*, *tāgi* (АФ, 086).

§ 22. Аффикс уподобления -чл -чә, по В. В. Радлову, „количественный“ падеж (NF, 65), у Шинкевича — *Äquativ* (RS, 166) образует прилагательные-наречия: *таҗча* (123, 2) 'с горы'; *күрк, ер күйчә күч бермиш* (27, 10) 'дал силу с силу 40 человек'; *арабча китаб* (138, 21) 'книга по-арабски'; он *беш јүйрмичә киши* (27⁶, 8) 'человек с 15—20'; он *кишигә јеткүйчә аш* (146, 9) 'пища, достаточная на 10 человек' и т. д.

При именах с поссесивными аффиксами значение уподобления осложняется в силу самой постпозитивной позиции этих имен и легко переходит в наречное: *та атінча* (68⁶, 17) 'по своему служению', *аниң ардінча* (45, 7) 'следом за ним' и т. д. (RS, 166, § 60). Имеет значение и семантика имени: *оңча... солча* (KB, 57, 13) 'zur Rechten... zur Linken', скорее в смысле 'счастливо... несчастливо' и т. д.

Значение уподобления выражается еще: а) с помощью аффикса -тек: *таҗара тек* (64⁶, 12) 'как (словно) глиняное блюдо' и пр., б) послелогами *кабі, чаклі*, напр., *ешәк уни кабі* (97, 6) 'словно голос осла'; *бір киши олтур чаклі* (79, 5) 'размером сесть одному человеку', 'место для сидения одного человека' и т. д.

§ 23. Наряду с перечисленными послелогами: *тегрү* (= *теги тегін, тегінчә*), *јүзрә* (= *јүзә*), *соңра, кабі, чаклі*, надо отметить *јүчүн* 'для, ради'; *бәрү* 'сюда', 'по сю сторону'; *кедін* 'затем', 'после'; напр.: *аниң јүчүн* (68⁶, 9) 'ради того'; *ешитмәзлик јүчүн* (108, 18) 'чтобы не слышать'; он *јл бәрү* (28⁶, 31) 'уже десять лет'; *анчадін бәрү* (29, 20) 'издавна'; *анда кедін* (39⁶, 1) 'после того' и т. д.

Развивающие склонение отименные послелоги занимают в „тефсире“ значительное место в развитии локативных падежей: ол *кишиләр алинда* (125, 10) 'перед теми людьми'; *суш алтинда* (31⁶, 17) 'под водой'; *жеркүн астинға тегін* 'до низа (пода) земли'; *ајақі үстүнкә* (89⁶, 8) 'на ноги'; *менім қатинда* (27, 5) 'передо мною', *мәлік қатинға келді* (129, 23) 'пришел к правителю'; *дарја ічиндә* (31, 35) 'в реке'; *анлар ара* (82, 10) 'между ними'; *бір бірләрниң арасинда* (82, 19) 'между одним и другими'; *фар ун оңјүндә* (30, 4) 'перед фараоном' (~ *оңјүндә*, 146, 23); *аниң оскјүндә*

(7, 8) 'перед ними' (= ар. عَنْهَا) от *о́скјүнкә барді* (29, 3) 'к огню пошел' и т. д.

Граница между такого рода послелогами и наречиями условна; возможно вполне самостоятельное наречное значение отименных послелогов: *аниң оңјүндә такі ардинда* (112, 9) 'впереди и позади него'; *кедін қал-члар* (9⁶, 30) 'остались позади' и т. д.

Перечисленные послелоги известны по KB и Рбг и по более поздним памятникам, кроме *öskijndä*, *öskijnkä* и пр.; *қатінда* (< *қат* 'сторона') Махмуд Кашгарский отметил как слово огузское,¹ однако, мы находим его у Рбг (I, 290, 19), в „Мираджнаме“ и т. д.

§ 24. Местоимения личные: *мән* 'я', *сән* 'ты', *ол* 'он' (= тот); *біз* (*бізләр*) 'мы'; *сіз* (= *сізләр* ~ *сәнләр*) 'вы'; *анлар* (~ *олар* || *улар*) 'они' ('те').

Особенности склонения: вин. п.: *мәні*, *сәні*, *ані*, *бізні*, *сізні*, *сізләрни*, *анларни*, *буларни*; род. п.: *мәнің* (~ *манім*), *сәнің*, *анің*, *бізің* (~ *бізім*), *сізің* (~ *сізләрің*), *анларнің* (~ *уларнің*, ~ *анларнуң*, ~ *анларің* ~ *уларің* ~ *буларің*); дат. п.: *мәнкә* || *мәңә*, *сәнкә* || *сәңә* | *анка* || *аңа* |, *анқар* || *аңар* |, *мунка* | — || *муңа*, *бізкә*, *сізкә*, *сізләркә* (~ *сізләрә*); *анларка* (~ *анларға* ~ *уларға*); местн. п.: *мунда* ... исх. п.: *мәндін* (~ *мәндә*), *сәндін* (~ *сәніңдін*), *андін* (~ *аніңдін*, ~ *анда* ~ *анінда*); *біздін* (~ *бізіңдін*); *сіздін* (~ *сәнләрдін* ~ *сізіңдә*); *анлардін*, ~ *анларда*^Н, *мундін* (*мунда*^Н ~ *мунда*), *булардін*.

Примеры: *тутмаң дост мәнім такі сізің душманиңізі* (83⁶, 2) 'не имейте другом моего, а также вашего врага';² *ајді анқар* || *аңар* (3⁶, 6) 'сказал ему'; *ајді анларқа* (6, 2) 'сказал им'; *анларің елкін абақін бічтурді* (31, 1) 'заставил отрубить их руки и ноги'; *анларнуң азаларіні анлардін ајуруп анларің іәwidäләрі қалур* (103, 18) 'части тела их отделят от них и останутся туловища их'; *сізләрә от келтірәјін* (29, 2) 'принесу вам огонь'; *сәніңдін* (12⁶, 1) 'от тебя'; *бізіңдін қачтің* (30, 10) 'убежал (ты) от нас';

сізіндә кедін (39⁶, 13) 'после вас'; *анларда*^Н (انلاردان) *сізкә асіғларі ја зіғанларі барму* (38, 7) 'есть ли вам от них польза или вред' и т. д.

§ 25. Личные местоимения в спряжении имен служат предикативными местоименными аффиксами: *мән теһә ајасі мән* (143₂₈) 'я есмь хозяин верблюда'; *сән кішісән кімуң оғлі сан* (9⁶, 14) 'ты еси человек, чей ты сын' и т. д.

Акцентированные предикативные местоимения усиливаются иногда предикативным аффиксом-глаголом: *улуғ атаң јамлиха мән мән туруп* (9⁶, 23) 'дед твой Ямлиха это есть я' и т. д.

§ 26. Местоимения указательные; вопросительные и относительные составляют довольно значительную группу: *бу* 'этот', *ошул* 'этот, этакый'; *ол* 'тот'; *мундағ* 'этакый'; *андағ* 'такой'; *немә* 'что'; *кім* 'кто', 'который'; *кім ерсә* || *кімсә* | 'кто бы ни было, некто, никто'; *қају* 'какой, как'; *қају ерсә* 'какой бы не', 'никакой', 'никто'; *һеч қајусі ерсә* 'никакой'; *қач* 'сколько'; *бір қач* 'несколько'; *бірнечә* 'несколько'; *біранча* 'несколько'; *бір анчаларі* 'некоторые'; *қанда* 'где'; *қанча кім* 'как бы не', 'если', *қачан кім* 'когда'; *неқј* 'что за'; *нәліјк* 'зачем'; *нәтәк* 'как'; *бујлә* 'так'; *нечә* (= *нешә*) 'почему'; *тегімә* 'всякий', 'весь'; *тегімә бір* 'каждый'. Напр., *бу ешдә* (29⁶, 31) 'в этом доме'; *ошулардін* (63⁶, 3) 'от этих'; *андағок туруп* (12, 2); 'такой же'; *нешә бујлә қилді* (139⁶, 17) 'зачем ты так; сделал'; *неқј туруп оң елкіңдәкі* (19⁶, 8) 'что это у него в правой руке'; *бір қач кјн* (28, 34) 'несколько дней'; *бір нечә розғардін соң* (132, 27) 'через несколько дней'; *қанча кім сән барсаң* (137, 8) 'если ты пойдешь' и т. д.

§ 27. Возвратное местоимение выражается, как и в морфологии древне-письменных памятников, различными по происхождению словами: *өз* и *кәндј*

¹ С. Brockelmann, ук. соч. стр. 150.

² Ср.: *мәнім оғлім дір деді* (KK, IV, 3, 19) 'это мой сын сказал' и т. д.

и словосочетаниями: *кәндү-өз*, *әт-өз* или даже *кәнду-әт-өз*, что указывает на различное диалектальное происхождение этих местоимений.

Не в определительной функции ('свой') такого рода местоимения возможны лишь с поссесивными аффиксами, поскольку связаны этимологически с именем в значении 'тело', 'особь', 'сердцевина', 'сущность' (NF, 113).¹

Примеры: *өз куліні* (11⁶, 11) 'своего раба'; *кәндү аһлі таба* (128, 12) 'к своему народу'; *кәндү-өзләрі* (37, 8) 'сами они'; *кәндү — өзүңіз үчүн* (73⁶, 15) 'ради вас самих'; *өзі — кәндү жікрәк білір* (29⁶, 15) 'он сам лучше знает'; *мәнің әт өзүм* (24, 4) 'я сам'; *кәндү жәнділар кәндү әт өзләріңкә* (35, 4) 'сами вернулись к самим себе' (= перевод ар. *فَرَجَعُوا إِلَى*

أَنْفُسِهِمْ) и т. д.

Различие не только по происхождению соответствующих: *өз* (РС, I, 1298);² *кәндү* (РС, II, 1081),³ *әт — өз*,⁴ но и функционально, — с поссесивными аффиксами обычно только *өз*.

§ 28. Категория числительных в „тефсире“ очень характерна для эпохи памятника: порядок числения двузначных чисел десятиричный, древнего способа счета по приближению к следующему десятку нет.

Порядковые числительные: а) в согласии с древней традицией (NF, 70) на = (i)нч, напр. *ікінч*, '2-й'; *үчүнч*, '3-й'; *төртінч* '4-й'; *алтінч* '6-й'; *жетінч* '7-й'; *сәкізінч* '8-й'; *тоқусінч* '9-й' и т. д.; б) реже на -(i) нчі: *үчінчі* '3-й'; *алтінчі* '6-й' и т. д.; в) иногда диалектальная — „хорезмская“ форма на -ланчи: *төртләнчі* '4-й' и т. д.

Числительные существительные и наречия на -ау, как в памятниках древней письменности (NF, 71):⁵ *бірәү* 'один', *ікәү* 'двое', 'вдвоем'; *үчәү* 'трое', 'втроем' и т. д. Адвербиальное значение часто выражено морфологически: *ікәүн* 'вдвоем', *үчәүн* 'втроем' и т. д., иногда, впрочем, значение этой формы чисто субстантивное.

В отдельных случаях форма на -ла: *іккілә* 'оба', 'оба вместе' и т. д. Нумеративом при перечислении людей служит слово *баш* 'голова': *алтї баш кіші* (9, 13) 'шесть человек' и т. д.

Примеры: *жірмі сәкіз аят турур ікїүз жірмі беш кәлімәт тоқуз жүз елі тоқуз һаруф турур* (108, 5) '28 стихов, 225 слов, 959 букв'; *үчүнч әкәтдін сорғајлар төртінч розадін сорғајлар бешінч...* (133⁶, 2) 'третье — спросят о зякете, четвертое — о посте, пятое...'; *жірмі төртінч... жірмі жетінч... жірмі тоқісінч* (139, 17) 'двадцать четвертый... двадцать седьмой... двадцать девятый'; *үчінчі кісді* (138, 17) 'в третий раз сдал'; *мәғәр ол төртләнчі болса* (76⁶, 10) 'если он окажется четвертый'; *үчәү көрінді* (10, 1) 'показались трое'; *ікәүн бару башладлар* (10⁶, 23) 'вдвоем отправились'; *үчәүн кемі ускунка келділар* (11, 11) 'втроем подошли к лодке'; *іккілә һәрғіз куртулмас сізлар* (10, 37) 'в обоих случаях вы не освободитесь'; *бірін-бірін... баріңлар* (28⁶, 35) 'по одному (сразу?)... отправляйтесь' и т. д.

¹ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика киргиз-казацкого языка, ч. I. СПб., 1894, стр. 42.

² С. Brockelmann, ук. соч., стр. 137.

³ Там же, стр. 137.

⁴ С. Е. Малов. Ибн-Муханна о турецком языке, ЗКВ, III, стр. 225.

⁵ П. М. Мелиоранский, ук. соч., стр. 67.

Порядковые на *-ичи* в КВ и Рбг (Рбг I, 204, 30; Рбг II, 512, 15; 515, 3 и т. д.) у предшественников Навои и в языке самого Навои, наряду с формой на *-ичи*. Числительные на *-агу*, по КВ, одинаково *-агу* / *-агун* и часто замещаются: *икәкј ажуңда* (КВ, Т, 103, 3), *икәкјун* (В *igäij*) *ажуңда* (КВ, Т, 103, 4) и т. д.

ГЛАГОЛ

§ 29. В образовании форм глагола в тюркских языках большое место принадлежит деепричастиям и причастиям. В языке „тефсира“ это также нашло свое отражение.

Деепричастия в „тефсире“ подразделяются на две группы: а) соотносящиеся с временем окончательного глагола, б) самостоятельно выражающие более или менее определенное понятие времени, цели, причины действия.

В первую группу входят деепричастия настоящего времени, т. е. обозначающие действие одновременное действию окончательного глагола, — это древние деепричастия на *-у* (после конечных согласных) и *-ју* (после конечных гласных): *кјлу* — ‘делаю’; *келј* ‘приходя’; *јіҗлају* ‘плача’; *теј* ‘говоря’ и т. д. Гораздо реже это деепричастие на *-а*: *бакә* ‘глядя’, *тіҗшә* ‘падая’ и т. п.

Примеры: *сешіңі кушану мәлік катінҗа келді* (129, 23) ‘радуясь и веселясь, явился к правителю’; *јіҗлају утру чікді* (27⁶, 21) ‘плача вышел навстречу’; *тіҗрају ајтді* (138, 17) ‘дрожа сказал’; *бу кім туруп тејј тіләју барді* (31⁶, 23) ‘говоря — кто это — пошел, вопрошая’; *мән-зілдин манзілкә тіҗшә қоба барур ердідәр* (132⁶, 26) ‘шли со стоянки на стоянку, останавливаясь и вставая’ и т. д.

Деепричастие прошедшее, т. е. обозначающее действие, предшествующее действию окончательного глагола, на *-б*: *қорқуб јіҗрәкләрі тіҗраҗај* (123⁶ 11) ‘испугавшись задрожат их сердца’ и т. д.

Деепричастие на *-у*, *-ју* известно по памятникам орхонской письменности (NF, 94) и более поздних памятникам, напр., КВ: *ешіндин туруб чік,ті келді бәрј* (В: *нару*) *бір анча јүріју бір анча туру* (КВ, Т, 46, 9) ‘вышел из своего дома и явился сюда, то двигаясь, то останавливаясь’ и т. д. или Рбг: *отлају башладі* (Рбг I, 291, 10) ‘начала пастись’ и т. д.¹ у Навои деепричастие на *-у*, *-ју* уже редкий архаизм.

Отрицательное деепричастие на *-мадін* весьма обычно в „тефсире“: *қанат урмадін* (98, 5) ‘не ударяя крыльями’; *атам сөзін тутмадін кемікә кірмадін суҗда җарқә болдум* (31⁶ 25) ‘не слушая слов отца и не взойдя на корабль, я утонул в воде’ и т. д.

Древняя форма на *-мадін* (NF, 94) широко употребительна в памятниках XI—XIV вв. и встречается, в частности, также в „Китаби-Коркуд“: *сауашмадін урушмадін қайдајін* ‘вернусь как я, не воюя и не сражаясь’ (КК, III, 044, 7). Не возвращаясь здесь к вопросу о происхождении этой формы,² отметим: а) необычность для „тефсира“ и родственных ему по языку памятников д. в. м. *δ* в *-мадін*; б) частые в КВ подмены формы на *-мадін* другими (КВ, Т, 64, 9): *тінмадін... ермәдін*; В: *тынмады... армады*; К: *тінмаді... ермәді*; КВ, Т, 56, 7: *білмәдін... табіндурмадін*;

¹ Ср.: Рбг I, 294, 13; II, 515, 8 и т. д. — К. Г. Залеман. Легенда про Хаким-ата. Инст. ист. АН СССР, т. IX, № 2, 1898, стр. 127—123.

² W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler, Л., 1923, стр. 226—229, прим. С. Е. Малова.

В: *пiлмāдiм... табундурмадiм* и т. д. (ср. Рбг I, 283, 11; 292, 7 и т. д.).

Вторая группа деепричастий включает в себя: а) деепричастие предела во времени на *-iнча... ġiнча*, напр. *булар барiнча ашiн суwиn раст кiлġaj теjġ* (47, 6) 'до отправления их чтобы готовил еду и питье'; *кōз јумуб ачġiнча* (139⁶, 3) 'до закрытия и открытия глаз', т. е. 'в мгновение ока'; *ајат тōġāiнчāġā текi* (39⁶, 31) или *ајат тōġāл болġiнчака текi* (39⁶, 34) 'вплоть до окончания стиха' и т. д. (ср. Рбг I, 289, 7; 292, 4; 296, 17 и т. д.); б) деепричастие цели на *-ġāli, -ġāli: келдiġму бiġkā чiк,арġāli бiġni* (21⁶, 2) 'ты пришел ли к нам, чтобы вывести нас'; *бу қасд қлġāli қiлd* (29, 36) 'это он сделал с умыслом'; *олдiġġāli қасд қiлdлар* (27⁶, 8) 'умышляя убить' (ср. Рбг I, 292; II и т. д.); в) форма на *-ġāli* образует деепричастие исходного момента действия: *дак јанус мālik кечkāli iкi јч јjз артук, болmиш турур* (9⁶, 15) 'с тех пор как умер (=прошел) царь Дахьянус, исполнилось свыше двухсот—трехсот (лет)' и т. д.

§ 30. Причастие настоящее-будущее на *-ур, -ар*, после конечных согласных, и *-јур*, после конечных гласных, как в языке орхонской письменности (NF, 95—96), в памятниках древнеуйгурской традиции, в „Кыссаи-Юсуф“, „Мухаббат-нама“ Хорезми. Формы на *-ур (-јур)* и *-ар* как будто бы не различаются в характеристике времени причастия: *бās kīm kīm кетj-рjр сизkā ақ,ар сiјчiġ суwиn* (99, 2) 'итак, кто доставит (=доставляет) вам проточную сладкую воду'; *кōрмāз кōзjмni кōрār қiлсун* (129, 30) 'мои незрячие глаза пусть сделает видящими'; *учар қушлар јjрjр кiјi-клār* (39, 25) 'летающие птицы, ходящие звери'; *iкāġjni олтурур кōрдi* (38⁶, 36) 'обоих увидел сидящими' и т. д.

Причастие на *-јур* не встретилось в определительной позиции: *сōз сōзlājр ердiār* (132⁶, 1) 'говорили'; *окiјурсiз* (101⁶, 11) 'прочтете вы'; *мān бiлjрmān аni kīm kizlājрсiз шā аni kīm ашkārā қiлjрсiз* (83⁶, 10) 'я знающий (=я лучше знаю) то, что вы скрываете, и то, что вы делаете явным'; *сiз hām оjнајурсiз* (61⁶, 2) 'и вы пугаете' и т. д. (ср. Рбг I, 289, 16; 296, 2; 297, 4 и т. д.).

Соответствующая отрицательная форма причастия настоящего-будущего на *-маз|||-мас|*: *мānim бу кōрмāз кōзjмni...* (129, 30) 'мои эти не видящие глаза...'; *бак,маз* (47⁶, 14) 'не глядит'; *hадġāt болмаз* (68⁶, 9) 'не будет необходимости'; *суw алtинда қалмас* (31⁶, 17) 'не остаются под водой' и т. д.

В языке орхонской письменности последовательно *-маз* (NF, 96) в более поздних памятниках, в KB, у Рбг обычные, как и в нашем „тефсире“ чередования *-маз||мас* (ср. АФ, LXVI).

§ 31. Второе причастие настоящее на *-ġli (-li)*, как в KB, у Рбг, АФ и в других памятниках XI—XIV вв.¹ Обычно это причастие а) в определительной функции и б) в качестве существительного по значению с аффиксом мн. ч., напр.: а) *фар ун қачti... қатiнда турiġli табуġci јāmā қачtiлар* (30, 29) 'фараон бежал... бежали и слуги, находившиеся при нем'; *чiн сōзlākli* (30, 22) 'говорящий правду'; *ол келiли kишini...* (28⁶, 32) 'того идущего человека...'; *ол јiлан болd јjкрjкli* (19⁶, 10) 'та змея стала движущейся' и т. д.; б) *тутуġli јолdиn азiкiлiлар* (4⁶, 9) 'сбившиеся с взятого пути'; *сān mіrас алiġliларда јiкрāk сān* (36⁶, 5) 'ты лущий из получающих наследство' и т. д.

¹ W. Radloff. Chrestianit, стр. 18.

Причастие на *-ғлi*, *-ғли* известно по памятникам XI—XIV вв. (КВ, Т, 49, 1; 50, 11; 68, 9; 96, 14 и т. д.; МК¹ и т. д.).

§ 32. Причастие прошедшее, как и в других памятниках до-монгольской и монгольской эпохи на *-миш*, *-ган* и *-дук*. В языке тефсира ни одну из этих форм нельзя назвать преобладающей. Причастие на *-миш* обычнее в образовании окончательных глаголов, сравнительно реже в определительной позиции: *узакi кечмиш будунлар...* (21, 5) 'давно исчезнувшие народы'; *тарімиш тарішi бірлā* (39⁶, 7) 'с посеянным посевом'; *кен. јанчiлмиш јоллар* (33⁶, 1) 'широко раскинувшиеся дороги'; *чабалумуш јун. кābi* (106, 15) 'как взбитая шерсть'; *бір тоб курімиш хурма јағачi кōрdi* (18, 6) 'увидел группу высохших пальмовых деревьев' и т. д.

Причастие на *-миш* субстантивируется при наличии мн. ч., поссесивных аффиксов, падежа: *јалған сōзлāмишiм барму* (28, 22) 'ложно говорил ли я'; *кōрмишiмiz ештiмишiмiz јок* (28, 27) 'мы не видели и не слышали'; *бу алдашмышларің һукмiнi; бајанi турур* (92⁶, 10) 'это есть повествование о решении (по поводу) обманутых'; *һеч āр мāңā текмишi јок* (17⁶, 37) 'ни один мужчина не касался меня' и т. д.

Форма на *-миш* возможна и в значении имени действия в сочетании с *керāк* 'надо': *бармиш керāк... кiлмиш керāк* (27, 30) 'надо итти... надо делать' и т. д. Это — линия разграничения в языке „тефсира“ форм на *-миш* и на *-ган*.

Причастие на *-миш* известно из языка орхонских надписей (NF, 113), памятников XI—XIV вв. (АФ, XV; Р6г I, 284, 14; 292, 15; 293, 14; 293, 18 и т. д.) и затем в языке писателей XV в., в том числе Навои, наряду с формой на *-ған* *-гāн...*, позднее в узбекском языке ставшей единственной формой причастия прошедшего, кроме редких архаизмов на *-миш*.

§ 33. Причастие на *-ған* (*-гāн*) и причастие на *-миш* не различимы по значению. Причастие на *-ған* (*-гāн*)... обычно: а) в определительной позиции: *ōртāгāн кiјiн* (40⁶, 8) 'жгучие мучения'; *јiғлаған оғлан* (127, 4) 'плачущий ребенок'; *ак,ған суш бірлā* (62, 8) 'текущими водами' и т. д.; б) субстантивируется причастие на *-ған* (*-гāн*) при наличии аффикса мн. ч., поссесивных аффиксов, падежа: *кōрдiм тегāнкā халāt бердi*; *кōрмāдiм тегāнi олтурдi* (133, 19) 'сказавших „я видел“ одарил, сказавших „я не видел“ убил'; *ағғанлар јалғанчiлар сiз* (70, 5) 'вы заблудшие, лжецы' и т. д.; в) в постпозитивной позиции причастие на *-ған* (*-гāн*) превращается в предикат: *кōргāн турур ешткāн турур* (2⁶, 8) 'есть видящий и знающий'; *ол ешткāн билгāн ол* (32, 4) 'он слышащий и знающий' и т. д.

Изредка в „тефсире“ появляется 'огузская' или 'юго-западная' форма этого причастия: *-ан* (*-āн*): *анің iерiнкā баран суш* (65, 6) 'вода, идущая в его землю'; *ані кiшiлār кōзiн кōрāн бар му* (38⁶, 1) 'есть ли люди, видевшие его своими глазами'; *бāлāнд сōзлāнiмizнi ештiр аста сōзлāнiмizнi ештmāз* (97⁶, 5) 'громко сказанное мной слышат, тихо сказанное не слышат' и т. д.

Причастие на *-ған* (*-гāн*) в „тефсире“ не столь обычно, как причастие на *-миш*.

§ 34. Причастие прошедшее на *-дук*, (*-дiк*) также известно в древних литературных языках (NF, 96; МК-V, 34). Значение этого причастия прошедшего (Participium praeteriti) в предикативной позиции может быть

¹ C. Brockelmann. Mahmud al-Kaṣghari über die Sprachen und die Stämme der Türken im II Jahrh. Körösi csoma-archivum, I kötet, 1 Szam, Budapest, 1921, стр. 34. — Р6г II. 516, 18 и др. АФ, LXIV, § 7 и т. д.

определено в двойном аспекте: а) как указание на предшествование или одновременность по отношению к последующему действию; б) как указание на одновременность по отношению к действию продолжающемуся, когда причастие на *-дук* превращается в прошедшее-настоящее (NF, 115).

Причастие на *-дук* обычно в определительной позиции: *ishlä mädük närsäni sözläsä* (47⁶, 2) 'если скажут о вещах не сделанных'; *mäkkä açılduk, kün bolđı* (86, 6) 'был день открытия (завоевания) Мекки' и т. д., как: *kışi kirmädük elä* (В: *körmädük ärgä*) *kirsä kalı* (KB, Т, 47, 2) 'когда человек попадает в страну, в которой он не был'; *bilmish jäk bilmädük kışidän jı* (МК, III, 120) 'знакомый дьявол лучше незнакомого человека' и т. д. (ср. NF, 116; МК-V, 34).

Особой формой определения является причастие от глагола *те* 'говорить' в постпозитивной позиции с поссесивным аффиксом 3 л., отнесенным по смыслу к лицу неопределенно-личному: *азад тедүкі... бәнд тедүкі... (73⁶, 2)* 'именуемый свободным... именуемый рабом...'; *өлүм тедүкі... тірік тедүкі... (96⁶, 9)* 'смертью именуемая... жизнью называемая'; *манат тедүкі так, і бір бут туруп (36⁶, 5)* 'называемый „Манат“ есть еще некий идол' и т. д.

Впрочем, в определительной позиции возможны и другие случаи причастия на *-дук* с поссесивными аффиксами: *ishlädüki ishların* (140⁶, 16) 'содеянные ими дела их'; *қолдуміз саяң ishlädükü jазукі* (137⁶, 9) 'оставили мы тебе содеянные тобой проступки'; *тіріліб wađa қилдукім jeriä keläjlär* (70, 3) 'собравшись, пусть явятся в обещанное мной место' и т. д. Такого рода явления чрезвычайно интересны для истории синтаксиса.

Причастия на *-дук* переходят в разряд существительных по значению при наличии аффикса мн. ч., падежа, поссесивных аффиксов: *тірілмәдүкләр болғај* (124⁶, 7) 'окажутся не собравшимися'; *көрдүкні хабар берді* (41⁶, 16) 'сообщил о виденном', *бујурдукүм ishlaıl* (124, 7) 'делай по моему приказанию' и т. д. (ср. Рбг I, 289, 4).¹

С некоторыми послелогами причастие на *-дук* с поссесивным аффиксом 3 л. образует определительную группу: *құләј андағ кім... буларға құлдүкі қабі* (127, 3) 'засмеются, как смеялись над ними'; *ердүкі тәк тајак болді* (30, 30) 'попрежнему стала палкой' и т. д. Но с *жок* 'нет' причастие на *-дук* становится именной частью сказуемого: *кім ерсә андағ көрдүкі жок* (68⁶, 15) 'никто не видел подобного', как в „Китаби-Коркуд“: *мәнім атумі кімсә қачдүкі жок* (KK, IV, 4, 28) 'моего коня никто не обгонял' и т. д.

§ 35. Настояще-будущее время глагола образуется от причастия настоящего-будущего с помощью личных местоименно-предикативных аффиксов: *базілар ајтурлар* (108⁶, 12) 'некоторые говорят'; *қорқарман кім мәні өлдіргәјләр* (29⁶, 26) 'я боюсь, что меня убьют'; *мән білүрмән ані кім кізләјүрсіз* (23⁶, 10) 'я знаю то, что вы скрываете' и т. д.

Значение будущего-неопределенного этот глагол приобретает в контексте: *ол күн кім қобарулур* (12, 8) 'в тот день, когда поднимутся'; *сізләрні қіјнарлар* (28, 8) 'вас будут мучить' и т. д.

Встречается форма 1 л. ед. ч. с предикативно-поссесивным аффиксом: *қірам* 'уничтожу', *јікам* 'свалю', *қаждам* 'вернусь', *кестәрәм* 'срублю'.

Примеры: *бу қаба ханасін јікам кірү қаждам теді* (143, 15) 'этот дом Каабы я свалю и вернусь'; *қамуғ шәһәрләрні бајран қілсам ағачларін кестәрәм буларні қірам* (49⁶, 6) 'все города уничтожу, деревья их заставляю порубить, уничтожу их' и т. д.

¹ W. Bang u. G. R. Rachmati, ук. соч., стр. 8, 63.

§ 36. Глагол *турур* сохраняет самостоятельность как глагол настоящего-будущий: *анда тәллім тајаклар турур* (28⁶, 21) 'там находится много палок' и т. д., или превращается в предикативный аффикс, в связку: ... *болбулук иш турур* (18, 3) 'непременное дело', '(это) дело, которое должно свершиться' и т. д.

В значении связки *турур* в составе ряда глагольных форм: 1) с деепричастием на -у, -ју, -а образует настоящее-будущее: *јемішләр ким узулу турур* (68⁶, 11) 'фрукты, которые висят' и т. д.; 2) с деепричастием на -б образует прошедшее-настоящее: *көрдиләр бостанни күјүб қара күл болуб турур* (100⁶, 18) 'увидели сад, сгорев, он превратился в черный пепел' и т. д.; 3) с причастием на -миш образует „прошедшее совершенное“: *мән улариң кишисиндін бірәйүни өлдүрмиш турур мән* (29⁶, 28) 'я убил одного из их людей'; *ајғил мән роза тутмиш турур мән* (18, 28) 'скажи, я приняла пост', или *роза тутмиш мән теб ајғил* (18, 31) и др.; *бір қатің иш түймиш турур* (27⁶, 19) 'произошло жестокое дело' и т. д.; 4) с будущим глаголом образует будущее определенное: *нә ким болмиш тақі нә ким боласі турур барчані килмиш турур* (133, 3) 'что было и что будет, все сделал' и т. д.

Состав глагольных форм с *турур* указывает на эволюцию *турур* > *дур* (-дир), о чем можно судить по аналогичным образованиям в старо-письменном и в живом узбекском языке.

§ 37. Будущее-желательное на -ғај, -гәј... часто имеет значение супинума, видимо, исконное для данной формы: *кirdi ерсә қазнақа тајак алғај* (28⁶, 21) 'зашел он в кладовую взять посох' и т. д., в других случаях это будущее некатегорическое, напр.: *болғај ким ідсі келгәј қолғај* (28⁶, 23) 'может статься, что придет хозяин его и спросит'; *болғај ким ол пәнд алинғај қорқғај* (30, 24) 'может статься, что он внемлет совету и убоится' и т. д.

Форма на -ғај, -гәј... известна по КВ, Рбг и другим более поздним памятникам; спряжение этой формы в „тефсире“ также обычно с предикативными местоимениями: *башилағај ман* (9, 17) 'я поведу вас', *келгәјсізләр* (9⁶, 30) 'вы явитесь'; *көргәјләр* (9⁶, 23) 'они увидят' и т. д. (АФ, LXXII).¹

Что касается „сокращенной“ формы на -ға, -гә... (АФ, LXXIII), то спряжение этой формы в „тефсире“ стоит особо: *бүтүргәм* 'вращу'; *болғам* 'стану'; *қилғам* 'сделаю' и т. д. Напр.: *та қорқарман та дәлү болғам* (133, 18) 'боюсь, что стану безумным'; *һеч нәрсә артурмағам сізгә мәгәр қәјін артурғам* (123, 5) 'ничего не увеличу вам, только мучения увеличу'; *әдл қилғам бірінә бір бергәм* (60⁶, 13) 'окажу справедливость — за одно дам одно' и т. д.

§ 38. Форма на -ғу, -гү... в „тефсире“ в значении: а) причастия будущего-настоящего; б) отглагольного имени.

Причастное значение в двух временных аспектах будущем и настоящем: *келгу улуғ кундә* (13, 10) 'в грядущий великий день'; *мәнім елкімдін келмәгү иш* (129, 13) 'невозможное для меня (букв. 'из моих рук не идущее') дело'; *қачғу јер* (119, 10) 'место бегства, убегания'; *кеңәшгү сарај* (26⁶, 3) 'совещательный дворец'; *қарағу көзсіз* (25⁶, 5) 'без глаз видящих' и т. д.

Причастия на -ғу, -гү... частью перешли в разряд отглагольных имен: *турғу* (8, 9) 'стоянка'; *оқғу* (19, 11) 'чтение, коран'; *қачғу* (18⁶, 10) 'побег' и т. д.

Причастия на -ғу, -гү..., переходя в разряд существительных, разделяют все грамматические свойства последних: число, падеж, поссессивные отно-

¹ Н. И. Ильминский. Материалы для дагатайского спряжения из Бабер-нама. Казань, 1865, стр. 10.

шения, напр. *сән јкрәк билүрсән... нетәк килгумни* (39⁶, 15) 'ты лучше знаешь... что мне делать'; *табунғуларіңіз* (38, 8) 'ваши adeпты'; *тутғу ағріңі* (12⁶, 5) 'муки родов'; *сөз сөзләйү қушғаті* (38⁶, 7) 'способность (сила) речи'.

Отвлеченное значение причастия на -ғу, -гү... в предикативной функции: *нә ағғу керәк нә килғу керәк* (27, 23) 'что надо сказать, что надо делать'; *тунлә узак јатмағу керәк* (26⁶, 26) 'ночью не следует долго спать'; *біз сәңә бүйткү ермәзміз* (30⁶, 35) 'мы не поклоняемся тебе'; *көркүткү үчүн* (28, 24) 'дабы показать' и т. д.

Редкое в орхонской письменности глагольное имя на -ғу, гү... (NF, 97) довольно обычно в более поздних памятниках XI—XIV вв. Развитие причастия на -ғу, -гү, различные функции его представлялись по-разному: отглагольным именем, неопределенным наклонением, именем глагола (АФ, LVIII), показателем будущего глагола.¹ Это отражает действительное положение вещей, т. е. функциональное разнообразие формы на -ғу, -гү..., напр.: *қані емді қачғу јолум* (KB, T, 96, 4) 'где теперь моя дорога для бегства'; *Касурні көргү көңлүң бар ерсә...* (Рбг I, 287, 1) 'если у тебя есть желание видеть Касура'; *јана јанғу ермәс кечјүрміш күнүң* (KB, T, 101, 5) 'снова не вернется твой пережитый день'; *сәнің атиң ағғун јірак барғу бүйт* (Хиб.-Хак.) 'слава твоего имени далеко разнесется, верь'; *мәніңдә кедін сән некү килғуң* (KB, T, 103, 13) 'после меня что ты будешь делать' и т. д.

§ 39. В редких лишь случаях в „тефсире“ будущее-определенное на -ғусі, -гүсі, напр.: *анің таба барғусі сіз* (92, 14) 'к нему отправитесь вы' и т. д.

Обычное в „тефсире“ будущее на -асі: *ол мусулман боласі ерсә* (55⁶, 6) 'если он будет мусульманином...'; *аја мінәсі вактін* (68⁶, 2) 'когда на него (сидение) будут садиться'; *һиджрәт қиласі туруп јаһи келәсі туруп* (49⁶, 10) 'переселится, т. е. 'прибудет'; *нә кім болмیش тақі нә кім боласі туруп* (133, 3) 'что было и что будет'; *біз сәнің бірлә тоқушасіміз јок* (143, 16) 'мы с тобой не намеревались воевать' и т. д.

Махмуд Кашгарский противопоставляет форму на -ғу (*барғу ер, турғу оғур*) как (восточно=) „тюркскую“ форме „огузской на -асі (*барасі ер, турасі оғур*).² Подмены -ғу||-асі встречаются иногда по разным спискам Рабгузи (напр. Рбг I, 287, 14; ср. сноску 24): *мәңә нә джаза бергүсі* (= А: *берәсі*) 'какое наказание даст мне' и т. д. В современном узбекском языке *келгүсі||келасі* 'будущий' (год и пр.), каз., кирг. *келесі*; ср. каз. *аласі, бересі*, кирг. *аласа, бересе* 'кредит', 'долг', 'причитающееся получить', 'отдать' и т. д.

§ 40. В спряжении настояще-будущего глагола одна особенность: наряду с предикативным местоимением 1 л. мн. ч. -міз, весьма обычна „огузская“ форма на -уз (-із), напр.: *билүрүз* (72, 12) 'мы знаем'; *ані сізму бітрүрсіз ја бізму бітрүріз ані* (70⁶₁₂) 'вы ли взращиваете то, или мы взращиваем'; *өллүкі үчүн јіғлашмазуз шә лекін білмазміз...* (71⁶, 16) 'мы не плачем из-за его смерти, но не знаем...'; *біз қачан өләуз тобрақ болауз* (70, 1) 'когда мы умрем, станем прахом'; *сәнің бірлә істауз...* *бірлә барауз* (137, 8) 'с тобой быть желаем... мы вместе пойдем'; *емді јағмур вакті јок, ані теғәуз* (71, 14) 'теперь не время дождей, (чтобы) мы говорили это'; *тіләсәуз һак јолда тузғажуз* (126⁶, 1) 'если пожелаем,

¹ Там же, стр. 20 и т. д.

² С. Brockelmann, ук. соч., стр. 39.

создадим на пути истины'; *біз фаландін жікрәкуз* (141 17) 'мы лучше такого-то' и т. д.

Формы на *-уз (-із)* весьма обычны для языка „Китаби-Коркуд“, напр. *біз ағ қафтан кижәріз* (КК, IV, 8, 3) 'мы одеваем белые кафтаны'; *бу үч нәсінә аға армуған аппарсауз герек еді* (КК, IV, 3, 8) 'эти три вещи мы должны были отнести ему в подарок'; *егуларні біз жікмішуз тола тола шаһбаз атларні біз бінмішүз...* (КК, III, 038, 84) 'дома мы разрушили, на табуны быстрых коней мы сели' и т. д.

Ближайшим образом это явление примыкает к современным узбекским говорам — ташкентскому и сайрамскому, где после конечных гласных *-міз > wuz > уз*, напр. *һәммәуз тўшдүз* 'мы все выходим' и т. д.

§ 41. Прошедшее-результативное отличается своими особенностями: 1 л. ед. ч. на *-дīm || -дум*, 2 л. ед. ч. *-дiң || -дуч*, вне зависимости от губного или негубного в конечном слоге соответствующей основы, напр. *мән сәні көрдīm ерсә улуғ тутдум айтдум...* (143, 26) 'лишь только я увидел тебя, принял за знатного, сказал...'; *қоздүң... кірдiң* (60⁶, 4) 'ты оставил, ты вступил' и т. д.

Окончания *-дум || -дуч* предпочтительнее после губных, но не обязательно, как в современных узбекских говорах самаркандско-бухарской группы.

Аффикс 3 л. в конечном открытом слоге всегда *-дi*.

Во мн. ч. в полной мере сохранился древний аффикс 1 л. мн. ч. *-дiмiз*, наряду с более редким в „тефсире“ *-дук (-дүк)*, напр. *ані кім кiлдiмiз ташба кiлдук* (101, 6) 'в том, что мы сделали, мы раскаялись'; *сән айтдiң біз ешитдiмiз* (146, 20) 'ты сказал, мы слышали'; *джаваб бердiмiз жа-ни жанут кiлдiмiз* (36, 13) 'ответ дали мы', т. е. 'мы ответили', и т. д.

В современных узбекских ташкентском и каршинском говорах наличествует такая же форма 1 л. мн. ч. на *-дiмiз*.

Для 2 л. мн. ч. — *-дiңiз (лар)*: *хiлаф кiлдiңiзлар* (23⁶, 1) 'вы противоречили' и т. д.; в 3 л. мн. ч. при наличии согласования во мн. ч. обычно аффикс мн. ч.: *кетдiләр, жаптiлар* и т. д.

§ 42. Прошедшее причастное от причастия на *-мiш* обычно в значении прошедшего независимого от результата действия, т. е. обозначает действие, происходившее в прошедшем или происходившее в прошедшем и еще продолжающееся в настоящем (ср. NF, 113).

Напр.: *уламалар андағ ајмiшлар* (10, 11) 'ученые так сказали (= говорили)'; *қајусiнiң елкi сiнмiш қајусiнiң бутi адақi сiнмiш* (38, 35) 'у некоторых из них сломались руки, у некоторых ноги сломались'; *роза тут-мiш мән теб ајғiл* (18, 31) 'скажи: я, дескать, держала (и держу) пост', *үч жүз јiл артук, рақ болмiш кім біз мунда ермiш мiз* (9⁶, 31) 'более трехсот лет исполнилось, как мы здесь находились (и находимся)' и т. д.

§ 43. От того же причастия на *-мiш* образуются описательные формы с глаголами: *тур-* 'стоять', 'пребывать', 'находиться' в настояще-будущем времени, и *ер-* 'быть' в прошедшем времени.

1) С глаголом *турур* образуется прошедшее-настоящее: *бірәй келмiш турур мундағ сөз сөзләр* (9⁶, 17) 'пришел некто и говорит такие слова'; *дақјанус мәлкi кечкәлi iкi үч жүз артук болмiш турур* (9⁶, 15) 'с тех пор как умер царь Дакьянус (Диоклетиан), прошло свыше двухсот—трехсот лет; ол теңрікә кiм сiзләр бүтмiш турур сiзләр мән јәмә бүт-мiш турур мән (9, 21) 'тому божеству, которому вы поклоняетесь, я тоже поклоняюсь' и т. д.

2) С глаголом *ер-* (в форме прошедшего результативного) образуется давно прошедшее: *абу-джәһл қабуғiнда олтурмiш ердi* (27⁶, 28) 'Абу-

Джахль сидел у ворот'; *омарниң қатіғ өфкәсі келмиш ерді* (27, 12) 'Умар сильно рассердился'; *јатмиш үзімиш ердіміз бу күнқә текі* (9⁶, 16) 'мы лежали, спали до сего дня' и т. д.

Согласование компонентов описательного глагола с подлежащим в числе колеблется: *болмиш ерділәр* (26⁶, 2) 'стали', *болмишлар ерділәр* (26⁶, 11) 'были'; *чадірларі... јердә мақам қілмишлар ерді* (132, 14) 'шатры свои... устанавливали на земле' и т. д.

§ 44. Параллельно такие же описательные формы образуются и от причастия на -*дук* с помощью тех же вспомогательных глаголов:

1) *һеч тегмәдүк турур мундін оң* (67⁶, 6) 'не доходили никогда до этого'; *һеч көз андағ көрмәдүк турурлар* (67, 3) 'никогда такие глаза не видели' и т. д.

2) *һеч кім ерсә аниң кәбі көрмәдүк ерді* (142⁶, 10) 'никто не видел подобного тому'; *јасатмадук ерді* (132, 10) 'не сотворила' и т. д.

§ 45. Особо выделяется относительная форма из спрягаемого прошедшего-результативного с вспомогательным глаголом *ерді*, подчеркивающая законченность действия, напр.: *бу тајак һәм ол тајак турур кім оңдін чіқардін ерді* (28⁶, 25) 'и эта палка та, которую ты уже выносил прежде'; *ол шак, тқә тексүн кім сәниң қојларің једі ерді* (39⁶, 4) 'до той поры, когда потравили (посевы) твои овцы'; *қілмаді му ерді шада сізләрқә* (23, 9) 'не делал ли обещаний вам' и т. д.

§ 46. Прошедшее длительное или многократное, если исключить противоположное понятие однократности действия, образуется обычным путем от причастия настоящего-будущего с спрягаемым вспомогательным глаголом *ер-* 'быть' в прошедшем времени. Напр.: *фарун қізінің башін тарар ерді* (133, 11) 'расчесывали голову дочери фараона'; *бајрам келсә улуз кічик барча јазіға чіқар ерділәр* (38, 20) 'когда наступал праздник, большие и малые (= знатные и простые) все выходили в поле' и т. д.

Согласование частей описательного глагола в числе с подлежащим колеблется; аффикс мн. ч. обычно при причастии, но может быть и при вспомогательном глаголе: *чун сафарға кетәрләр ерді* (110, 19) 'когда они отправлялись в путешествие'; *булар ајрук јердін та'ам кетүрүләр ерді* (143⁶, 12) 'они приносили еду из других мест'; *бірі үчүн біріні өлдүрүр ерділәр* (60⁶, 9) 'за одного убивали другого' и т. д.

§ 47. Сослагательный глагол не отличается по форме от многократного глагола, но предполагает обязательно условие совершения действия, условный глагол: *қачмаса өлдүрүр ердім* (28, 4) 'если бы он не убежал, я убил бы' и т. д.

Сослагательный глагол образуется также от будущего глагола на -*ғај*, -*әј*... с помощью вспомогательного глагола *ер-* 'быть'; *білсәм мән кәндү өзүмні фіда қілғај ердүм* (146⁶, 1) 'если бы я знал, я принес бы себя в жертву'; *әйәр бір һур бу дунјака бакса сүкәлләр сәһт болғај ерді* (61, 1 сн.) 'если бы хоть одна гурья взглянула на этот мир, больные стали бы здоровыми' и т. д.

Параллельная форма с глаголом на -*ға*, -*ә*... отличается своим порядком согласования в лице частей глагола-сказуемого с подлежащим: *түрк болсам ердүм сәниң бірлә ғазілік қілғам ерді* (138⁶, 9) 'если бы я был тюрк, то я воевал бы с тобой (как газы)' и т. д.

§ 48. Описательные глаголы с глаголом *ер-* 'быть' подверглись в живой речи „морфологическому опрощению“ в результате редукции начального слога вспомогательного глагола, откуда и в книжной традиции вторичные формы: *табл урарларді* (89⁶, 3) 'били в барабан'; *әйәр болсаді раст* (82⁶, 11) 'если было бы правдой'; *бу суш сізқә јер јүзіндә јүрімәсәді*

(98, 18) 'если бы не шла эта вода для вас по лицу земли'; *болмазди* (82⁶, 11) 'не был бы'; *камуж ачиш даржалар суви шор болмазди* (67, 9) 'воды всех горько-соленых морей не были бы солеными' и т. д.

Аналогичные формы по КВ: *кетарди* (В: *кадар кор*) *тамиз* (КВ, Т, 109, 2), с неясным значением. В „Китаби-Коркуд“ такого рода факты весьма обычны: *таш атарди* (КК, III, 043, 23) 'бросал камни', '... *атдиш* *таш ер* *туймизди* (там же) 'брошенные им камни не падали на землю'; *тутмишларди* (КК, II, 177, 10), *дерларди* (КК, I, 209, 2): *жкълмишди* (КК, II, 180, 14) и т. д.

§ 49. Причастие *еркан* образует с настоящим-будущим причастием знаменательного глагола особого рода синтаксическую конструкцию придаточного обстоятельства времени (= 'в то время как', 'между тем как' и т. п.), известную и в живых тюркских языках, в узбекском в частности (ср. в турецком „сложное деепричастие“ = *gérondif composé*) на -*кен*, *iken*,¹ ср. *кийка атаркан окла сани урар* (КК, II, 179, 9) 'когда будет он стрелять в кийика, ударит тебя стрелой' и т. д. Примеры из „тефсира“: *урабуги уjur еркан сачи бирла баглади* (139⁶, 21) 'жена его, пока он спал, привязала его за волосы'; *фарун кизиниш башин тарар еркан еркли туйди* (133, 11) 'в то время как она расчесывала волосы дочери фараона, пришло ей на ум' и т. д.

Такого рода синтаксическая ситуация построена на использовании семантики причастия *еркан* и обычно не только в составе „сложного деепричастия“, но и в независимой позиции, напр.: *атаси жит еркан олди ол таки жит еркан олди* (57, 6) 'отец его умер, когда он был молодым и он тоже умрет, будучи молодым'; ср. аналогичную ситуацию в КВ: *кичик еркан ограт огулка билик* (КВ, Т, 118, 3) 'обучай сына знанию пока он молод (= мал)' и т. д.

Причастие *ермиш* в составе описательных форм выражает момент предикации с некоторыми оттенком неожиданности данного факта для говорящего *бу iki jawлак джадулар турур ермишлар* (30, 31) 'эти двое, оказывается, чрезвычайные фокусники-чародей'; ср.: *адилар... jawлак джаду ермиш сан* (Рбг I, 291, 11) 'сказали... ты, оказывается, чрезвычайный чародей' (ср. еще Рбг I, 287, 4; 290, 18; 291, 11 и т. д.). Иногда причастие *ермиш* сопровождается еще и предикативным аффиксом -*дук*: *бустан бизим ермаз ермишдук* (103⁶, 19) 'сад не наш, оказывается' и т. д. Такого же рода аффикс сказуемости у Навои.²

Значение неочевидности действия выражает аффикс -*миш* (< *ермиш*): *hal nechuk болурмиш тедилар* (49⁶, 10) 'каково же будет положение, скажи'; *созлармиш* (13, 2) 'говорят, передают' (= арм. *نگلي*) и т. д.

§ 50. Группа сложных глаголов дополняет образование глагола новыми особенностями.

1) Значение начала действия выражается деепричастием на -*а* -*у*, -*ју* спрягаемого глагола с помощью вспомогательного глагола *башла* 'начинать', напр.: *жамур жага башлади* (28⁶, 29) 'дождь начал итти'; *суw ака башлади* (38⁶, 30) 'вода начала течь'; *ишчилар ишляју башладилар* (132⁶, 12) 'работники начали работать' и т. д.

2) Значение едва не совершившегося действия выражается деепричастием на -*а*, -*у*, -*ју* знаменательного глагола с помощью вспомогатель-

¹ J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 948, 1351.

² А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. Сб. „Алишер Навои“, М.—Л., 1946, стр. 116.

ного глагола *jaz-* 'ошибаться, грешить', напр.: *öldürü jazdı* (27⁶, 23) 'едва не убил'; *kökäñ kesäk kesäk bolujazdı* (16, 2) 'небеса едва не раскололись на части'; *jarılı jazdı jer tüşä jazdı tañlar* (16, 3) 'чуть не разверзлась земля, чуть не упали горы' и т. д.

3) Значение намерения выражается причастием настоящего-будущим спрягаемого глагола с помощью прошедшего глагола *bol-* 'быть', 'становиться', напр. *tañak, keräk bolur boldı* (28⁶, 20) 'понадобилась палка' и т. д., ср. по Рбг: *kişilär jisiñib keläñär asramaqqa alur boläñlar* (1, 288, 8) 'собрались люди, на воспитание взять захотели' (ср. 1, 288, 13; 290, 9; 292, 3 и т. д.).

4) Значение направленности действия в интересах другого лица, предмета, беспрепятственного совершения действия выражается деепричастием на *-a*, *-u*, *-ju* знаменательного глагола с помощью вспомогательного глагола *ber-* 'давать', напр.: *ol ajtu berdı* (65⁶, 5) 'он рассказал'; *māñim tar köñlimni keñütü beril* (21, 28) 'мое стесненное сердце расширь' (= успокой); *jadimizdin uzı berdı* (3, 3) 'исчезло из нашей памяти, забылось' и т. д.

§ 51. Повелительный глагол образует следующие личные формы. Ед. ч.: 1 л. *beräjin*; 2 л. *inanuñ, sanmañ; ajıl, ajmañil*; 3 л. *qalmasun* и т. д. Мн. ч.: 1 л. *qilalim, qilmañalim; beräñiz*; 2 л. *qiläñlar, qilmañiläñlar*; 3 л. *alsunlar* и т. д.

Напр.: *añ suw etkil qab qadañimni meñman okıñajın anlarqa pāñd beräjin* (28, 17) 'приготовь еду и питье, призову-ка я своих близких в гости, дам-ка им наставление'; *jawuz sanmañ qarındañ boluñ* (47⁶, 2) 'не считай злым, будь родным'; *üñüñsiz qalmasun* (39, 10) 'дабы не остался без примеров'; *biz keläñim anı tutalim tedilär* (139⁶, 14) 'придем-ка мы, схватим его — сказали'; *biz säñä öñüñ mal beräñin* (139⁶, 14) 'дадим-ка мы тебе много добра'; *xılañ qılmañalim* (21⁶, 3) 'не станем-ка противоречить'; *iñkä eñmäñlik qilmañiläñlar añistalim qiläñlar* (52, 8) 'не делайте спешки в деле, будьте осторожными'; *ok, ja alsunlar* (129⁶, 4) 'пусть возьмут стрелы и лук' и т. д.

Повелительные формы в „тефсире“ неоднородны, частью повторяют формы, известные по древним памятникам (NF, 90) и более поздним (Рбг, 290, 9; 291, 2 и т. д.)¹ частью же разнятся диалектально, напр. 2 л. мн. ч.; формы 3 л. на *-su...* нет.

§ 52. Спряжение условного глагола на *-sa...* отличается рядом особенностей.

1) С поссесивными предикативными аффиксами условные глаголы выражают собственно условие следующего действия: *säñ äñär qozsañ anlarñi azdurqajlar säñiñ qullariñi* (109⁶, 4) 'если ты оставишь их, — совратят твоих рабов'; *äñär jüz awursañiz* (42⁶, 3) 'если вы отвратите лицо свое' и т. д.

2) С личными предикативными местоимениями условный глагол выражает пожелание, просьбу, синтаксически образуя самостоятельное предложение, напр.: *tiñimdäki tüñünñi tutçilıñni jaza beril nā k'm māñ sözläñsä māñ* (21, 28) 'косноязычие на моем языке устрани, дабы я заговорил'; *bolqajmu kim bu eñdin añin jerqa barsa säñ* (39, 8) 'возможно ли, чтобы ты отправился в другое место из этого города' и т. д.

Отсюда значение супинула: *ynamañlar kim qonuç, tutsalur ularñi* (6⁶, 4) 'не согласились (чтобы) принять их на ночлег' и т. д.

¹ К. Г. Залеман, ук. ст., стр. 127. — АФ, LVI и сл. — КК, I, 210, 26; IV, 8, 2 и т. д.

Однако при противопоставлении следующему глаголу и эта форма обозначает собственно условие: *hūdjdžāt beljū kolasā sān sāñā kōr-kūtājīn* (30, 21) 'если ты просишь свидетельства, я покажу тебе'; *āğār māñi bīr adīn silīksā sīz kāmūğ andamīm etīm sō jūkjūñdīn adīlūr* (27, 18) 'если вы еще раз встряхнете меня, все мое тело отделится от костей' и т. д.

3) Условное прошедшее образуется с помощью прошедшего глагола *ер-* и синтаксически также возможно в двойном значении: а) собственно условия, напр: *āğār ešitśā erdūk ja bīlsā erdūk bolmağaj erdūk...* (97, 14) 'если бы мы слышали или знали, (то) не были бы...' и т. д.; б) просьбы, пожелания и т. д., напр.: *āğār kajtsa erdūk mādīñkā* (91⁶, 11) 'чтобы нам вернуться в Медину'; *kāshki bīz takī bolğa erdūk tobrak*, (123⁶, 1) 'увы, если бы мы так же стали прахом' и т. д.

4) Особо выделяется условная форма: *болсади, болмасади* и т. д.; напр.: *āğār болсади раст...* (82⁶, 11) 'если бы было правдой'; *мубарак болмасади* (96⁶, 5) 'если бы не было благословенным' и т. д.

На *-сар* условной формы в „тефсире“ нет (NF, 112), у Рабгузи в единичных случаях (Рбг II, 512, 14).¹

5) Описательные формы условного прошедшего образуются еще и другими способами: а) от причастия на *-miş* с помощью условного глагола *бол-* или *ер-*: *кїлmiş болса* 'если сделал'; *ерmiş ерсā* 'если был' и т. д.; б) от условного глагола с помощью прошедшего глагола *ер-*: *болсам ердўм* 'если бы я был' и т. д.; в) от прошедшего спрягаемого глагола с помощью условного глагола *ер-*: *текді ерсā* 'едва подошел'; *ешитді ерсā* 'едва услышал' и т. д.

Напр.: *шārr jawuzlık kīlmish болса...* (140⁶, 17) 'если совершил злое...'; *бу калам јок ерmiş ерсā...* (138⁶, 12) 'если бы не было этого писания'; *тўрк болсам ердўм...* (138⁶, 9) 'если бы я был тюрком'; *ол јағачқа јакїн келді ерсā ўн ешитїлді* (29, 4) 'как только (он) подошел близко к тому дереву, слышался голос'; *ад өлді ерсā ікі оғлї бар ердї* (132, 24) 'Умер Аад (когда) у него было два сына'; *еј кашкі мән өлдўм ерсā* (12⁶, 5) 'о, увы, если бы я умер' и т. д.

§ 53. Различаются залоги страдательно-возвратный, взаимный, побудительный.

Страдательно-возвратные глаголы на *-л* и *-н*, напр. *туғрулді* (12, 7) 'родился'; *бір тараф јікїлді ол јікїлmiş сушлар јазїлді јоллар тутулді суш катїлді* (31⁶, 3) 'одна сторона обрушилась, те обрушившиеся воды разлились, дороги были преграждены, воды слились'; *ўн ешитїлді* (29, 4) 'послышался голос'; *тахті алтіна јашїнді* (30, 29) 'спрятался под треном своим'; *азукї тўғансā јана келўр ердї* (138, 14) 'если провизия их кончалась, приходили снова'; *бу сура ајндукдїн соңра* (145, 4) 'после того, как была сказана эта сура' и т. д.

Принципиального различия форм на *-л* (страдательный залог) и на *-н* (возвратный залог) казалось бы нет. Есть отдельные случаи различения: *јоллар тутулді* (31⁶, 3) 'дороги преграждены', *тутунса сән* (30, 21) 'если ты станешь придерживаться, возьмешь для себя' и т. д., но здесь очень затемнена дифференциация значений; ср. Л. Будагов. Сравн. словарь, I, стр. 743; ср. еще у Рбг: *өзләріңкә мәлік тутунділар* (Рбг I, 285, 2) 'взяли себе правителя' и т. д.

¹ Ср.: W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Л., 1923, стр. 226, прим. С. Е. Малова к стр. 69.

Обращают на себя внимание подмены по разным спискам KB: *кўңўлқд алінғил* (Т, 66, 9) и *алылғыл* (В, 41, 22) 'возьми в сердце...'; *атанса* (К: *аталса*) *ат* (Т, III, 8) 'коли наречется имя его' и т. д.

Взаимные глаголы на *-ш*: *йўйўрўйўрлār анің таба* (89, 19) 'бегут к ним'; *сўзлашўр анін бірлā* (3⁶, 3) 'разговаривают с ним' и т. д.

Побудительные глаголы на *-т*: *огратдī* (58⁶, 7) 'научил'; *турутдī* 'сотворил' и т. д.; на *-дур (-тур)*: *яптурдī* (38⁶, 12) 'заставил сделать'; *кўртāрдī* (58⁶, 7) 'показал' и т. д.; на *-кут*: *кўркўтāйін* (30, 21) 'покажу ка я'; на *-ур*: *ичўргāй* 'напойт'; на *-ар*: *чīқарғājмīз* 'выведем мы' и т. д. Есть и „вдвойне побудительные“ формы: *бу хурма курīmīш ердī сāңā јашарт-дīру бердīm* (18, 26) 'эта пальма засохла, я для тебя оживил ее' и т. д.

§ 54. Отрицание при глаголе выражается обычной частицей *-ма*: *бīл-мāймāн* (138, 16) 'не знаю я'; *бīлмāзмīз* (71⁶, 16) 'мы не знаем'; *сўтсама-ғājсан* (25, 7) 'ты не будешь жаждать'; *кīm ерсāнī кўрмāдī* (132, 18) 'никого не увидел'; *қājтармаң* (85, 12) 'не возвращай'; *қорқмаңлар* (20⁶, 9) 'не бойтесь'; *қалмасун* (39, 10) 'пусть не остается' и т. д.

Деепричастие отрицательное на *-мадīн*. Отрицательное причастие на *-мīи*, как у Навои: *бīлмāмīшмāн* (129⁶, 9) 'не знал я' как у Навои и Бабур, отрицательная форма 1 л. ед. ч. настоящего-будущего глагола на *-ман*: *бīлмāн кīm...* (112, 3) 'я не знаю, что...'; *куртулман анің азабіндīн...* (111⁶, 14) 'не спасусь от его гнева' и т. д. Ср. в „Китаби-Коркуд“: *шундан бārў 'аклīm усīm дīрā бīлмāн* (КК, III, 039, 22) 'с тех пор (как я видел этот сон), я не могу собраться с мыслями и притти в чувство'.¹ Особо стоит диалектальная форма отрицательного настоящего-будущего глагола: *чīқмīm* (45, 1) 'не выйду'; *кадўурмīm* (45, 4) 'не печалюсь' и т. д., как в „Китаби-Коркуд“: *мāн ані қомам (=қојмīm)* и т. д. (КК, I, 210, 14) 'я его не оставляю' и т. д.

§ 55. Отрицание возможности действия обычно на *-ума*. Предполагается, что эта древняя категория отрицания возможности действия образовалась с помощью отрицательной основы глагола *у-* 'мочь', т. е. *ума...* С предшествующим деепричастием на *-у* эта отрицательная основа составляла описательную форму (*қīлу умāз бīз* 'мы не сможем сделать' и т. д.). В „Кутадгу-билиг“, „Хибатул-хакаик“, у Рбг и средневековых малоазийских писателей форма эта неразложима.² Неразложима эта форма и в „тефсире“, напр.: *джаваб берумадīлар бīлмāдīлār* (39⁶, 22) 'ответить не смогли, не знали'; *от ўскўнкā јашуқ келумадī... от текрā јергā кīm ерсā барумадī ердī* (38⁶, 16) 'близко к огню не могли подойти... никто не мог двинуться к месту вокруг огня; ол отға кīm ерсā јакīн барумас ані отға атумаслар (38⁶, 18) 'никто не может итти близко к тому огню, не могут бросить его в огонь'; *сāн мāнīm бірлā сāбр қīлумағājсан* (11, 8) 'ты со мною (быть) не сможешь вытерпеть' и т. д.

Следует отметить и параллельные глаголы с деепричастием на *-ју*: *анлар сўзлājжмāслār* (38⁶, 7) 'они не могут говорить' и т. д., как по KB: *ҳакīқнī отājумадīm мāн сāнīң* (KB, Т, 122, 10) 'я не могу компенсировать заработанного тобой' и т. д. Это обстоятельство подчеркивает самостоятельность деепричастия на *-у*, и *ју* и ставит под сомнение участие в образовании этой формы отрицания возможности действия глагола *у-* 'мочь' (*-ума* 'не мочь'), вместо обычного отрицания, т. е. *қīлу + ма — дī, сўз-лājж + мā — дī* и т. д.

¹ А. К. Боровков, ук. соч., стр. 109 сл.

² W. Radloff, ук. соч., стр. 224.

Все другие формы отрицания возможности действия являются описательными: *heч iш раст кѣлу бѣлмәдѣ* (47, 9) 'никакого дела не могли делать правильно'; *мәни сән өлтүрү бѣлмәз сән* (129⁶, 2) 'ты не можешь убить меня' и т. д. Однако такого рода описательные глаголы допускают положительную форму возможности действия, в первом же случае положительные формы неизвестны. Именно поэтому можно допустить, что форма на *-ума* скоро подверглась морфологическому опрощению и стала неразложимой.

§ 56. Форма на *-дачі* в „тефсире“ сопровождает обычно перевод арабских причастий действительного залога: *мән кѣлдачі мән* (2⁶, 4)

'я делающий' (перевод араб. *إِنِّي فَاعِلٌ*); *күч кѣлдачі* (32, 11) 'жестокий'

(= ар. *ظَالِمٌ*), либо, в том же значении, *күч кѣлғанлар; өлдүрдәчи*

өзүңи (1, 2) 'убивающий себя' (= ар. *بَا جَم نَفْسَكَ*) и т. д.

Форма эта иногда и в определительной функции: *кечмѣш келдәчи унаһлар* (128⁶, 10) 'прошлые и грядущие грехи' и т. д.

Значение форм на *-дачі* ближе к причастию будуще-настоящему, напр.: *јер үзрә болдачі турур һәләк болғуси турур* (65, 2) 'на земле находящееся погибает'; *ердәкѣләр һәләк болдачі* (65, 11) 'находящееся на земле погибает'; *wa'даси келдәчи ол* (14⁶, 8) 'обещание его исполнится (придет)' и т. д.

Те же значения по KB: *сәриб турдачі* (B: *удру тутчи*, K: *утру турған*) *әр.*; KB, T, 106, 14; B, 54, 25; *өлүмкә кәчик* (B: *өлүмдін кәчиш*) *јок, тірік болдачі нәчә ма* (B: *нәчә кәч*) *тірілсә өлјм* (B: *ол-ок*) *келдәчи* (B: *өлдәчи*); KB, T, 121, 4; B, 61, 28.

В. В. Радлов рассматривал форму на *-дачі* в языке орхонской письменности как *Nomen actionis* (NF, 96) или *Nomen agent's* (NF, 119); встречается эта форма в древне-уйгурском и в *Codex Cumanicus*;¹ Махмуд Кашгарский поясняет весьма туманно значение этой формы (МК-V, 36—37).

§ 57. Значение формы на *-дачі* очень близко значению, обычному в „тефсире“ отглагольному имени действующего лица на *-ғучи, -үчи*. Часто они замещают друг друга: *күч кѣлдачі* (32, 11) и *күч кѣлғучи* (132, 25) 'жестокий', *јаратачі* (3⁶, 8) и *јаратғучи* (28⁶, 1) 'творящий', 'творец' и т. д.

Агентивное значение *-ғучи, -үчи*... переплетается с причастным *бурхан јонғучи ерді* (38, 4) 'был резчиком (ваятелем) идолов'; *тіріклік беріҗи ол турур* (146, 25) 'он есть дающий жизнь' и т. д. (NF, 97, и 118; МК-V, 41).

§ 58. Глагольное имя на *-мак, -мәк* клонит к супинуму, откуда значение инфинитива: *сізларни бу елләріңизни чікәрмак, тіләрләр* (30, 32) 'вас и этот народ ваш хотят вывести'; *бајран кѣлмак, мәһә буірур* (48⁶, 9) 'уничтожать мне приказывают'; *аңа ел узатмак, һаджәт болмағаж* (66⁶, 16) 'протягивать к ним руки не будет нужды' и т. д.

При наличии аффикса мн. ч., поссесивных и падежных аффиксов глагольное имя на *-мак, -мак* разделяет все особенности существительных: *суғниң ајрілмағи* (31, 33) 'разделение вод'; *бір урмакға миң қатла урғил* (145, 27) 'за один удар ударь тысячу раз' и т. д.

¹ С. Е. Малов, ук. соч., стр. 223.

Глагольное имя на *-ш* редко: *janış* (5, 2) пер. ар. *مَصْرَفًا* и т. д.

§ 59. От глагольного имени на *-мак*, *-мăк* с помощью аффикса *-лăк*, *-лăк* образуется существительное с отвлеченным значением: *uzılma-klık* (6⁶, 6) 'отдаление, разлука'; *adırma-klık* (34⁶, 2) 'отделение' и т. д. Отрицательная форма образуется особо, от отрицательного причастия будущего: *eşitmăzlık* (108, 18) 'не слушание' и т. д.

§ 60. Образование глагола от имен главным образом посредством аффикса *-ла*: *jalınlanur jalın* (38⁶, 34) 'пылающее пламя'; *kellānsālar kel bolur* (127, 7) 'если измеряют на меры, получается мера' и т. д.

Аффикс *-сун*, *-сін* образует глагол от имени в особом смысле... *uluşsındı ja'ni kibr kăltürdi* (117, 5) 'возгордился', т. е. 'обнаружил гордость'; *uluşsunurlar özlärini* (90⁶, 7) 'возвеличивают себя' и т. д.

Выделяется случай превращения в глагол (= псевдо-причастие) существительного *öfkă* 'легкие' в переносном смысле — 'горечь', 'недовольство', 'раздражение': *janđi... öfkân kădбуluk* (23, 9) 'вернулся... гневный, печальный'.

КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Памятников для истории узбекского языка раннего периода, XI—XIV вв., казалось бы у нас достаточно, причем первоклассных для истории языка, какими, несомненно, являются словари Махмуда Кашгарского и Замахшари, поэмы Юсуфа Баласагунского и Ахмеда Югнаки, „Сказания о пророках“ Рабгузи и т. д. Однако непрерывной традиции не сохранилось; значительная часть памятников известна нам лишь в поздних редакциях, не ранее XV в., и совершенно не изучена. Таким образом, необходимо воссоздать историю языка методами научного языковедения. В этой связи каждый новый памятник раннего периода имеет огромное значение.

Среднеазиатский „тефсир“ по языку примыкает к памятникам XI—XIV вв., когда в литературе господствовал *đ*-диалект. Язык „тефсира“ неоднороден и отражает тем самым диалектальную пестроту, существовавшую в момент если не появления, то, во всяком случае, переписки его. Важнейшим, с этой точки зрения, фактом является наличие в „тефсире“ „восточных“ или „караханидских“ элементов и, наряду с ними, „юго-западных“ или „огузских“. Источники этих диалектальных элементов находятся в самой Средней Азии. Но „юго-западные“ или „огузские“ элементы в „тефсире“ являются современными его автору или переписчику, обнаруживаясь сплошь и рядом в целых фразах, в лексике. Возможно даже допустить, что переписчик столкнулся с несвойственными ему языковыми (диалектными) нормами и устранил их, но не регулярно, иногда подправляя их, напр.: *sāniđ altın ja'ni arkă* (12⁶, 7) 'твоя спина' и т. д. В дальнейшем эти диалектальные источники сыграли свою роль в образовании специально поэтического языка, достигшего такого блеска в творчестве Алишера Навои, категорически порвавшего с литературной традицией *đ*-языка, который постепенно отступал под напором живых узбекских говоров в Хорезме, в низовьях Сыр-дарьи, в Бухаре и в Фергане,